

Татьяна ФАДЕЕВА

г. Петрозаводск

Преобрatности судьбы

(журнальный вариант)

Школа-интернат

Косени нас с Ирой определили в школу в соседней деревне Лобаново, где было четыре класса. В каждом из этих классов училось по несколько учеников, а занимались все вместе в одном помещении. Меня записали в третий класс, а Иру в четвертый.

От хутора до школы по автомобильной дороге надо было идти километра четыре. А по железнодорожному полотну путь был намного короче, километра два – два с половиной всего. Мы, конечно, ходили в школу по железной дороге.

Несколько дней шел сильный снегопад, мела пурга, снега навалило много. Утром мы с Ирой отправились в школу. Идем по железной дороге, разговариваем. Слышим, какой-то шумок раздается сзади невнятный. Оглянулись, а там – огромная белая стена прямо за нашими спинами. Это шел поезд-снегочиститель. Мы с Ирой одновременно прыгнули с дороги в сторону, где оказался глубокий овраг. Целая лавина снега на нас обрушилась.

Я лежу, шевельнуться не могу под сугробом. Слышу, Ира выкарабкалась и истошно кричит,

зовет меня: «Рая! Рааааая!» Я ей отвечаю, но она не слышит, видимо, сквозь толщу снега мой голос не пробивается. С огромным трудом Ира меня нашла и вытащила. Хорошо, что мы были вдвоем, одна бы я не вырвалась из снежного плена.

Пришли мы в школу только к третьему уроку, мокрые, испуганные. Рассказали учительнице про наши злоключения. Она сочувственно сказала: «Идите, девочки, домой».

После этого случая нас перевели в Суоярвскую школу-интернат, и в плохую погоду мы оставались там ночевать. Здание интерната стояло на горе, прежде там размещалась тюрьма. На втором этаже были временно выделены две комнаты: одна для мальчиков, другая для девочек. Сильно разрушенное здание стояло в руинах. Все стены вокруг разрысованы. Это была бывшая финская территория, поэтому и тюрьма была финская.

Нас поселили там временно, пока ремонтировалось другое здание, предназначенное для шко-

Окончание. Начало в № 7-8, 2017 г.

лы-интерната. В комнате девочек стояли железные койки. Туалет не работал. Отопления не было, посреди комнаты стояла печка-буржуйка, которую мы сами топили. Всего нас там было десять девочек и несколько мальчиков. Кормили нас не в интернате, а в школе. В интернатской комнате был только большой жестяной чайник с кипятком. Мы старались все вместе ходить в школу и обратно, потому что по одному побаивались.

Мы с Ирой любили в школе-интернате ходить в библиотеку. Книг и газет там было мало. Зато на стене висела репродукция картины Ивана Крамского «Неизвестная», особенно она нравилась Ире. Нас завораживала таинственная красота, сквозящая в лице, одежде, осанке героини.

Однажды мы с Ирой выпросили у библиотекарей несколько старых газет и отправились на выходной домой. На следующий день у мамы был день рождения, и нас дома ждала большая тарелка с блинами, испеченными из натертой мороженой картошки. Нам тогда казалось, что вкуснее этого лакомства на свете ничего не бывает.

Дома Ира посидела тихонько в углу, порисовала и создала несколько произведений искусства. На газете простым карандашом была очень похоже нарисована Неизвестная и серый кот на большом пне. Мы украсили стену нашего дома этими картинами. Маме очень понравилось, у нас получился настоящий праздник.

Девочки после занятий в школе сидели вокруг печки и разговаривали, а мальчики совершали рискованные обходы разрушенного здания. Однажды мальчики пришли к нам после школы и предложили: «Пойдемте с нами, мы вам что-то интересное покажем».

Мы, несколько девочек, из любопытства отправились вместе с ними. Мальчишки шли впереди. Мы прошли за ними несколько лестниц, помещений и коридоров и вышли к провалу. Здание было затайливо спроектировано: посередине находилась круглая часть, похожая на амфитеатр или широкую шахту. С нашего второго этажа до подвала вниз шел глубокий провал, через который по диагонали была перекинута длинная доска сантиметров пять-шесть толщиной.

Под ней мы увидели... деревянную виселицу, на верхней перекладине которой болталась петля из толстого витого каната. Добротное выполненное и, видимо, не раз использованное средство совершения казни. Мне стало дурно, закружилась голова, сильно затошнило, но вырваться было нечем. С большим трудом я оттуда выбралась.

На следующий день нас перевели в другое, уже отремонтированное, здание интерната.

Спустя много лет я по рабочим делам снова оказалась в этом здании на горе, оно, конечно, было перестроено, там размещался исполком города Суоярви.

Пальто для Иры

Как-то приехала к нам на хутор тетя Хельми и сообщила маме:

– В Суоярви по списку продают эвакуированным ткань на пальто, очень хороший шевиот.

Мама озабоченно ответила:

– Надо бы Ире новое пальто сшить, она собирается учиться ехать, а приличного пальто у нее нет.

Тогда как раз объявили набор в Сортавальский сельскохозяйственный техникум, где готовили агрономов, зоотехников и животноводов, и Ира с Зиной собирались поехать туда учиться. Мама с невероятным трудом собрала нужную сумму для покупки ткани на пальто. Тетя Хельми сняла с Иры мерки и уехала. Она довольно быстро сшила Ире модное пальто с большими накладными карманами. Ире оно очень понравилось. Но когда гостя уехала, пальто исчезло.

Мама спрашивает:

– Где же новое пальто?

– Я его убрала, – отвечает Ира.

А когда Ира и Зина собрались уезжать на учебу, мы все вышли на улицу их провожать. Ира, зябко пожимая плечами, держала новое пальто на руке.

Мама сказала ей:

– Надень пальто, холодно ведь.

Когда Ира надела пальто, мы все ошеломленно замолчали. Пальто было укорочено почти до самых карманов. Мама ничего не сказала, но горькие слезы покатались из ее глаз.

Тетя Лиза рассмеялась. Все поняли, что это Зина укоротила Ире новое пальто по тогдашней моде. Кстати сказать, Ира носила это пальто довольно долго, даже когда ее распределили на работу после учебы.

Сначала Ира училась на агронома, но это показалось ей неинтересным. Директор техникума предложил перейти на зоотехническое отделение. Ира всегда любила животных, и учиться там ей понравилось. Училась она прилежно, активно участвовала в общественной жизни, вела себя достойно. Кто-то из преподавателей предложил Ире вступить в комсомол. Ира согласилась. Ей дали хорошую характеристику.

Она старательно готовилась к важному событию. На комсомольском собрании ответила на все вопросы. Все присутствующие проголосовали за то, чтобы Иру принять в ряды ВЛКСМ.

Но тут поднялся первый секретарь райкома, приглашенный на комсомольское собрание, и сказал:

– Дочь врага народа не имеет права быть членом ВЛКСМ!

Иру не приняли в комсомол. Она очень болезненно переживала произошедшее, как свой личный позор. Дома с горькими слезами на глазах рассказывала нам с мамой о незаслуженной обиде.

Для меня этот случай послужил уроком, впоследствии я никогда сама не выражала желания вступить в комсомол и никогда не соглашалась, когда мне предлагали это сделать. Не конфликтовала, но старалась мягко уйти от темы.

Успешно закончив учебу, Ира получила диплом зоотехника. Работала по специальности в совхозе в Суоярвском районе. Позже Ира с Зиной уехали в Казахстан к отцу Зиной, который был туда сослан в 1937 году. Ира прожила там несколько лет.

Встреча с отцом

Однажды маму на работе вызвали к бригадиру, он сказал, что ее приглашают в контору на телефонные переговоры с Петрозаводском в десять часов вечера. С переговоров мама пришла поздно. Она была очень взволнованна и сказала мне:

– Отца освободили, он в Петрозаводске у тети Кати Сумманен ждет нас.

С отцом мы не виделись десять лет...

Приехали в Петрозаводск. В двухэтажном доме на улице Анохина у тети Кати Сумманен была маленькая комната, просто конура, переделанная в жилое помещение из туалета. Она жила там с двумя детьми. Ни Тайсто, ни Элмы дома не оказалось.

Когда мы вошли, отец сидел на стуле, они о чем-то оживленно разговаривали с тетей Катей. Первое, что мне бросилось в глаза: отец был очень худой и совершенно седой, вся голова была белая. Суровое аскетичное лицо, умные зоркие глаза, в фигуре сохранилась военная выправка. Я его не узнала, не сразу вспомнила. Слышком маленькой была, когда его арестовали.

Он встал и обнял нас с мамой сразу обеих. Мы молча постояли так какое-то время. На глазах у отца и у мамы появились слезы. Он сел на стул и посадил меня на колени как маленькую, а мне было уже тринадцать лет. Сколько же ему лет было, когда его освободили? Всего сорок восемь, наверное.

Я слышала их разговор с мамой. Отец без лишних предисловий перешел к делу.

– Кертту, давай решим так, – сказал он маме. – Я поеду сейчас искать работу и, как только устроюсь, постараюсь собрать немного денег вам на дорогу, и если вы захотите, то приедете ко мне. И еще надо будет решить вопрос с жильем.

Наша встреча с отцом продолжалась не больше часа, мы с мамой поехали обратно в Суоярви. Отец нас не провожал, он сразу отправился на поезд, чтобы искать работу и жилье где-то в районах республики. У него после освобождения не было разрешения жить в Петрозаводске, да и вообще ни в одном крупном городе, поэтому он не мог там никуда выйти, а в Суоярви нельзя было поехать, потому что для въезда в погранзону нужен был специальный пропуск.

Отец выбрал небезопасный способ, чтобы с нами встретиться. Для него очень важно было понять, вместе мы будем дальше жить или нет, он не мог этого знать, пока не встретился с мамой. У него с собой была только небольшая сумка. Тетя Катя что-то ему запихала в эту сумку.

Он сказал нам на прощание:

– Главное, что я на свободе, все остальное не важно.

Немино

Спустя некоторое время отец в письме сообщил, что устроился на работу в Паданском леспромхозе инструментальщиком. И еще ему обещали место в Челмужском леспромхозе, правда, немного позже, в поселке Немино Медвежьегорского района. Года не прошло, как он написал нам в письме, что переехал в Немино, ремонтирует там жилье.

В 1948 году мы переехали к нему. В Немино у нас была двухкомнатная квартира. Одну комнату отвели под мастерскую, где отец инструменты точил, вторая была предназначена для жилья.

Я была еще школьницей, в Немино пошла в седьмой класс. В поселковом клубе мы занимались художественной самодеятельностью. В танцевальном кружке я подружилась с девочкой, ее тоже звали Рая. Рая Богданова была постарше меня и немного выше ростом. Тогда в моде были такие танцы как чечетка, цыганочка, русская пляска. На концертах художественной самодеятельности мы с Раей танцевали дуэтом, и у нас неплохо получалось. После каждого выступления зрители вызывали нас на «бис» по два-три раза.

По соседству с нами в Немино жила молодая женщина, она однажды подошла ко мне и говорит: «Мне

очень понравилось ваше выступление, и я хочу предложить тебе свою юбку, она очень яркая, я стесняюсь носить ее повседневно, а для выступлений на сцене она хорошо подойдет, я тебе ее дам». Она показала юбку, она и правда была очень яркой, на черном фоне были разбросаны огромные ярко-красные розы. Мы с Раей подобрали к ней кофточку, получилась красивый сценический костюм.

Наступил день концерта. Объявили наш номер. Раздались дружные аплодисменты. Мы вышли на сцену. Зал ахнул при виде меня в таком роскошном наряде. А я так растерялась, что забыла, зачем вышла. Музыка играет, а я стою как вкопанная. Находчивая Рая одна начала танцевать, а когда по ходу танца кружилась вокруг меня, такую выразительную гримасу мне состроила, что я очнулась и вспомнила, что мне надо еще и поплясать, а не только наряд свой роскошный демонстрировать.

Навсегда врезалось в мою память вот что. У отца был небольшой заработок. А директор леспромхоза, видя, что отец не пьет и очень экономно живет, наверное, думал, что у него водятся большие деньги. Он часто просил отца хотя бы по несколько рублей выдать каждой нуждающейся семье. Очень плохо было с деньгами в леспромхозе, зарплату подолгу не выплачивали, какие-то небольшие авансики давали. Иногда люди на работу выйти не могли, потому что есть дома нечего было. Много среди рабочих было вербованных с семьями, им очень трудно жилось. И помню, что деньги отец директору давал, небольшие суммы, где-то по три рубля на семью, хотя бы на хлеб, но и их не всем хватало. А для себя на проживание у него почти и не оставалось ничего.

Ссылка в Сибирь

В декабре ночью к нам постучали. Это в 1949 году было. Входят два человека: директор леспромхоза и офицер в военной форме. Потом подошел еще один мужчина, очень высокий и полный.

– Вы Пало Андрей Андреевич? – спрашивают отца.

– Да, я, – отвечает он.

– Вы арестованы, – строго произнес офицер.

Я уже спала, но тут проснулась. Высокий мужчина начал обыск проводить, по углам бесцеремонно шарить. У меня в изголовье стояла коробка, куда я складывала елочные игрушки, которые клеила из разных бумажек, готовилась к Новому году. Он меня выгнал с постели и давай в этой коробке рыться. Мне это показалось особенно ос-

корбительным. Я стою босиком, в одной ночной сорочке, и спрашиваю:

– Боже мой, это из-за чего же нас так ненавидят, из-за того, что мы финны?

Мужчина в форме резко ответил:

– Вы помолчите, а то вам тоже можно статью пришить.

Отец тихонько сказал:

– Рая, помолчи, пожалуйста.

Я, обиженная, села на кровать.

– А где ваши сбережения? – спрашивает директор.

Отец достал деньги, у него было всего двадцать семь рублей.

Директор удивленно говорит:

– Андрей Андреевич, у вас что, больше денег нет?

– Нет, только эти и те, что я вам давал для вербованных рабочих, – ответил отец.

У директора показались слезы на глазах. Отец молча оделся, его вывели. Впереди пошел высокий мужчина. Директор понуро вышел последним.

Как уводили отца, я запомнила навсегда. Когда за ними закрылась дверь, мама долго с ненавистью смотрела на отрывной календарь с портретом Сталина, висевший на стене. Подошла к нему, гневно сорвала со стены и бросила на пол, не проронив ни слова.

За окнами начало светать, наконец эта трагическая ночь закончилась. Мама не сомкнула глаз. Я тоже не спала.

Утром, когда я пришла в школу, все уже знали, что моего отца арестовали.

Некоторые одноклассники подходили ко мне и спрашивали:

– За что арестовали твоего отца?

Ответить, понятное дело, я не могла. Да и кто бы смог?

На перемене ко мне подошла дочка директора леспромхоза Валя, молча обняла меня. Рая Богданова, моя подруга, тоже подошла выразить свое сочувствие.

После уроков, когда все ребята уже ушли из школы, а я последней выходила из класса, в коридоре увидела учительницу. Ее звали Гертруда Владимировна, она была немка по национальности и преподавала немецкий язык. Среди учителей, в основном местных деревенских жителей, она сильно выделялась. Гертруде Владимировне было около сорока лет. Выглядела она элегантно, но строго, как и должен выглядеть учитель: белые кружевные воротнички и манжеты, красивая высокая прическа. Очень привлекательная женщина. Она подошла ко мне, обняла и сказала:

– Мы с тобой, Рая, теперь товарищи по несчастью, будем вместе держаться.

Долгое время никаких вестей от отца не было. И вдруг получаем письмо из Сибири: «Я нахожусь в Красноярском крае, в поселке Солёный Богучанского района. Работаю инструментальщиком в леспромхозе «Ангарский», – писал отец. – Так что теперь будем держать связь. Если у вас возникнет желание сюда приехать, то я постараюсь собрать вам необходимую сумму на билеты».

Мы с мамой понимали, что скоро это вряд ли получится, билеты от Карелии до Сибири стоили недешево. Пугало и то, что Красноярский край всегда славился тяжелыми условиями для жизни. Огромная труднопроходимая территория, суровый климат, малочисленное население. Идеальное место для ссылки...

Лишь много лет спустя нам стало известно, что все, кто был осужден, начиная с 1937 года, попали под действие указа от 1 февраля 1948 года «О направлении в ссылку особо опасных государственных преступников», то есть тех, кто ранее отбывал наказание по 58-й статье.

Все они, и в их числе мой отец, автоматически становились особо опасными государственными преступниками, даже те, кто уже вернулся к обычной мирной жизни в своих родных городах или поселился рядом с местами, где отбывал срок. Их никто никуда не вызывал, просто особое совещание выносило заочное постановление о бессрочной ссылке ранее осужденному.

Остались мы с мамой вдвоем. Мама без работы, я еще школьница. Правда, директор леспромхоза после ареста отца через несколько дней принес те деньги, которые был должен ему. Мы с мамой надолго растянули их.

Помню, пошла я в магазин за продуктами. Мама дала мне сколько-то рублей. И вдруг вижу, в магазин привезли детские боты. Я еле-еле в одну пару записала ноги. Купила я эти боты, несмотря на то, что большие пальцы в них сильно подгибались...

– Доченька, боты-то маленькие, как ты в них будешь ходить? Конечно, тебе надо что-то на ноги купить, но в этих ходить ведь невозможно, – сказала дома мама.

Я в них всю весну и осень проходила с согнутыми пальцами. В школе на уроках снимала под партой невыносимо жавшие боты, даже к доске выходила в носках. Другого ничего на ноги не было. В апреле-мае, когда еще лужи стояли, травка пробиваться только начинала, мы уже босиком ходили. Только проталины появятся, обувь снимаем. Беречь же ее надо!

Спустя некоторое время получили от отца еще одно письмо, он писал, что работает инструментальщиком, живет в общежитии. И еще он написал: «Когда Рая закончит учебу в школе, собирайтесь и приезжайте ко мне в Сибирь, но прежде подумайте хорошенько».

Мама спросила у меня, как у взрослой, совета: «Что будем делать?»

И мы решили: «Надо ехать!»

Декабристки

Мы с мамой долго ехали в поезде, недели две примерно. Наконец добрались до Красноярска. Из Красноярска в поселок Солёный два раза в неделю ходил пароход «Товарищ». Мы купили билеты на пароход и поплыли сначала по Енисею, а потом по Ангаре. Пароход шел еще недели две.

Приехали, остановился пароход. Мы с мамой сошли с трапа парохода и ступили на бревна, которые под ногами ходуном ходили, потому что лежали не на земле, а, плотно прижатые друг к другу, плавали на воде. От парохода до берега по этим бревнам надо было пройти метров пятнадцать-двадцать, и, чтобы это расстояние преодолеть, требовалась немалая ловкость.

На берегу движение какое-то происходило, рабочие лесосплавом, похоже, занимались. Но вдруг все остановилось, замерло. Мы почти физически ощутили на себе их пристальное внимание. Нечасто, видимо, гости туда приезжали...

Как оказалось, наш приезд был единственным случаем за многие годы, когда жена добровольно отправилась в Сибирь к месту ссылки мужа, чтобы разделить с ним всю тяжесть наказания. Других декабристок тогда в тех краях не бывало.

Пожитков с собой мы взяли немного, один чемодан и сумку. Осторожно пошли по бревнам. Какой-то мужчина направился к нам навстречу, взял сумку и чемодан, помог выйти на берег. Мы смотрим, отца нет. В письме он обещал нас встретить.

По дороге, ведущей с берега, поднялись на довольно высокую гору, оттуда открывался вид на поселок Солёный: всего одна улица, по обе стороны стоят одинаковые бревенчатые одноэтажные бараки. Невеселый пейзаж.

Видим, к нам навстречу быстро шагает мужчина. Мама обрадованно сказала: «Это отец идет».

Отец подошел к нам. Он был одет в сильно изношенную старую одежду.

– Ну что же, теперь нам надо еще шесть километров добираться пешком до Времянки, – сказал отец.

Мы отправились дальше. К счастью, когда вышли на лесную дорогу, машина остановилась, грузовик. Мы кое-как разместились в кузове, и нас довели до Времянки.

Во Времянке отец привел нас к общественной бане и сказал:

– Пока остановимся здесь. Это лучше, чем в мужском общежитии в углу за шторкой из простыни ютиться, где мне сначала выделили место. Я подумал и решил, что это не годится, и попросил разрешения у бригадира занять комнату отдыха в бане.

Баня была бревенчатая, небольшая, одновременно в ней могли мыться три-четыре человека. Сбоку от бани находилась маленькая комната отдыха. Вот в ней нам и предстояло жить. Отец там уже кое-что подготовил. Смастерил спальные стеллажи у стенки, столик сделал.

Когда баню топили, в нашей комнате от жары невозможно было находиться. К счастью, топили ее не каждый день. Никто из ссыльных не роптал, что мы комнату отдыха заняли, люди понимали безвыходность нашей ситуации.

Времянка

Поселок ссыльных Времянка располагался в тайге и состоял из двух больших одноэтажных бараков, магазина, бани и столовой. В одном из бараков пару комнат занимали женщины-литовки. Во Времянке большая часть обитателей состояла из политических ссыльных, уголовников было значительно меньше. Жили в бараках все вместе, и политические, и уголовники, но держались каждый своей компании.

Уголовники, конечно, сильно отличались манерой поведения, фиксами, татуировками и тем, что трудиться не любили. У политических отпечаток интеллигентности на лицах был очевиден.

Работали все в лесу на лесозаготовках, получали зарплату. Отмечались в администрации в Соленом раз в месяц. Свободно перемещались в определенном периметре. После тюрем и лагерей ссылка была послаблением. Ссыльные часто женились на местных деревенских женщинах. Побегов не совершали. Да и куда бежать без паспорта, если на тысячи километров вокруг тайга?

На баржах и пароходах летом завозили товары первой необходимости и продукты в магазин на всю долгую зиму. Самолеты над нами редко пролетали, не было поблизости ни аэродромов, ни аэропортов. Дороги зимой прокладывали по берегам рек, потому что из-за быстротечности во-

ды даже самой холодной и морозной зимой вода на середине Ангары не покрывается льдом.

Весной, когда на Ангаре шел лом льда, толстые льдины в местах раскола поднимались в ледяные пробки на шесть-восемь метров в высоту. Это было великолепное зрелище. Огромные глыбы льда способны снести на своем пути всё, что находится вдоль берега. Лед сначала начинает резко трещать, а затем, подхваченный водой, медленно движется вниз по течению. С каждой минутой скорость движения больших и мелких льдин нарастает. Большие ледяные глыбы бьются о ледяные берега, отчего возникает невообразимый грохот, его слышно не только в Соленом, но даже во Времянке.

Поселок окружает суровая, величественная природа, в ней ощущаются невероятные сила и мощь. В тайге часто встречаются хвойные деревья непривычных для нас пород: кедры, лиственницы, пихты. Перед тайгой тянутся полосы ольхи, рябины, ивы и заросли кустарников можжевельника, шиповника, жимолости и багульника. На вершинах гор растет густой порослью светлый лишайник.

Климат в Сибири континентальный, по-настоящему суровый. Зима, начинаясь в сентябре, заканчивается в мае. И если уж началась зима, то никаких оттепелей не жди, будет стоять мороз. Лето тоже если устанавливается, то никаких капризов погоды – жары градусов до тридцати.

А сколько комаров и мошкары летом! Без специальной сетки никуда не выйдешь. Наденешь нарядное платье, но обязательно с длинными рукавами, а на голове – москитная сетка. Репеллентов там тогда не было. В пасмурную погоду тучами мошкара вьетса... В прошлые века даже такой способ казни в Сибири применялся к неверным женам: их голыми привязывали к дереву в лесу, а через день-два забирала бездыханное тело.

В первый год после депортации условия для ссыльных были особенно тяжелыми. И одинокие люди, и семьи были насильно вырваны из привычной среды и привычного климата. Имущества практически никакого с собой взять не могли, жилья не было, питание скудное, многие к тому же не знали русского языка. Туда прибывали люди самых разных национальностей: немцы Поволжья, прибалты, украинцы, белорусы, поляки, китайцы.

Смертность в первый год ссылки была максимальной. Затем те, кому удавалось выжить, понемногу осваивались, строили жилье, обзаводились огородами, постепенно складывались отношения с местными жителями из окрестных деревень. Местные относились к политическим ссыльным с уважением. В Сибирь ведь никто добровольно и с любовью не ехал, а ссыльные в основном были люди

хорошо образованные, с широким кругозором.

На следующее утро после нашего приезда мы с отцом отправились в магазин. Нам навстречу попадает пожилой седовласый мужчина, вежливо кланяется отцу, здоровается.

Я спрашиваю:

– Кто это такой?

Отец отвечает:

– Известный ученый из Москвы, – называет его имя.

Дальше идем, встречаем еще одного солидного мужчину, на лице интеллигентность большими буквами написана, он тоже вежливо раскланивается с отцом.

– А этот человек в прошлом – директор одного из московских театров, – говорит отец.

Его слова поразили меня до глубины души. Мысленно я удивлялась: «Как могли оказаться здесь эти интеллигентные, образованные люди, занимавшие высокие посты и должности? Почему их знания, способности, таланты оказались ненужными стране?»

Мне сразу бросилась в глаза и накрепко врезалась в детскую память удивительная культура живущих там людей. Я еще не знала тогда, что в Красноярском крае в ссылке находилось множество известных деятелей науки, культуры и искусства. Они оказали огромное влияние на развитие Сибири, способствовали распространению культуры и просвещения. Многие из них нашли себе здесь кто новую родину, а кто – могилу.

Когда мы пришли в магазин, отец познакомил меня с продавщицей, пожилой литовкой по имени Рута. Он сказал ей:

– Это моя дочка, она с матерью ко мне жить приехала, будем обустроиваться здесь.

Помню, что продавщица плохо говорила по-русски, но приветливо мне кивнула. Народ в магазине не толпился. В очереди не дышали друг другу в затылок, а стояли свободно. Без очереди никто не лез.

Иркинеево

Мне надо было продолжить учебу в восьмом классе. Восьмилетка находилась в двадцати двух километрах от Времянки в Иркинеево.

Старинная сибирская деревня Иркинеево располагается на полуострове. С трех сторон он омывается Ангарой и маленькими эвенкийскими речками Ильчимо и Иркинеевкой. По местной легенде, лет триста тому назад небольшое поселение в этих местах основал тунгусский вождь Иркиней. Потом уже здесь появились русские. Сна-

чала эти края открывали и осваивали добровольцы, устремившиеся сюда в основном за пушной. Сюда охотники-эвенки привозили «мягкое золото Сибири» – пушнину, а потом сплавляли её дальше по Ангаре, в русские селения и города.

Иркинеево – деревня довольно большая, там находились магазин, школа и молочная ферма, где работала большая часть жителей, приемный пункт сельхозпродукции. Мало кто из деревенских жителей держал тогда скот, но у некоторых была пашня, сажали огороды, на которых выращивали картошку, капусту, лук, морковь.

Через тайгу из Времянки в Иркинеево вела неширокая грунтовая дорога. Машины по ней не ходили. Проехать можно было только на лошади, в санях зимой и на телеге летом.

Мы с папой сходили туда пешком. Оставили мои документы в школе. Устроил он меня жить у одной старушки за небольшую плату. Договорились, что я буду жить в деревне у бабушки Агафьи и от нее ходить в школу, а на выходной приходить домой. С сентября началась моя новая школьная жизнь.

В школу после выходных в основном приходилось ходить пешком, иногда кто-нибудь на телеге или санях подкинет, но это бывало редко. Отец иногда провожал меня километра четыре до леса, когда зимой на полях наметало огромные сугробы, он протапывал мне среди них тропинку. В лес я заходила уже одна.

Иногда зимой, когда стояли лютые морозы за пятьдесят градусов, отец колебался. Дойдем до леса, он неуверенно спрашивает:

– Рая, может быть, вернемся?

Но я чувствовала, что ему не очень хотелось, чтобы я возвращалась обратно, и я говорила:

– Нет, я все же пойду.

Неширокая дорога, на которой с трудом развезались бы две телеги, уходила глубоко в дремучий лес. Идти одной было страшно до жути, но я твердо знала: учиться надо!

На моем пути очень часто попадались маленькие шустренькие зверьки, похожие на белок, только полосатые, с любопытными мордочками, совсем как детские игрушки. Это были бурундуки. Волчи следы много раз видела. Это тогда не очень пугало, казалось чем-то будничным. Рыжих лис видела живьем. Часто длинные цепочки лисьих следов тянулись прямо по дороге. Следов всяких было много...

Иногда из чащи доносилось какое-то жуткое рычание. Попадались на моем пути большущие лоси, значительно выше лошади, с огромными раскидистыми рогами. Местные жители говорят: «Если увидишь сохатого, не беги, прижмись к дереву и стой тихо. Они особенно опасны весной, когда идет гон».

Оружия у ссыльных не было, собак не держали, охотой занимались только местные жители, да и то немногие, поэтому зверья непуганого по тайге ходило много.

Мы вставали в четыре часа утра, а в пять я уже выходила из дома и шла прямо на урок, не заходя к бабушке Агафье. Первое время так уставала, что насили волокла, потом привыкла. Учителя знали, какой трудный путь мне пришлось преодолеть, и не спрашивали меня в этот день.

Было и много хорошего в моих продолжительных прогулках. Я ощущала свежее дыхание раннего утра. Видела волшебные восходы солнца в разное время года и огромные поля диких цветущих тюльпанов. Меня поливал весенний серебряный дождь и осыпал осенний листопад. Я знаю, как вкусно хрустит снег под ногами.

Бабушка Агафья

Иногда в хорошую погоду я приходила домой из Иркинеево и посреди недели, уж очень голодно было у бабушки Агафьи. Она не из жадности меня не кормила, а просто жила так, как привыкла жить, и готовила, как делала это всегда.

В теплое время года старушка еду готовила на костре во дворе. Капусту или картошку крошила в суп на кирпичиках, лежащих на земле, и курица, пробегающая мимо, могла заглянуть в чугунок и вытащить клювом приглянувшийся кусочек...

Иногда бабушка Агафья одна отправлялась на рыбалку. У нее даже была лодка. Она ставила сетку на речке Иркинеевке, почему-то всегда ночью. Возвращалась с рыбалки под утро усталая, подол длинной юбки был совершенно мокрым. Выловленную рыбу она клала на два-три дня в теплое место. Когда рыба начинала пахнуть, посолит ее немного и ест. Ей нравилось, чтобы рыба была с душком. А мне нет.

Дома я рассказывала маме о кулинарных пристрастиях бабушки. Она посмеется и старается приготовить мне что-нибудь, что можно взять с собой.

У бабушки Агафьи было трое детей: две незамужние дочери и сын, молоденький еще совсем паренек, жили все они отдельно. Иногда, когда дочери и сын заходили навестить ее, бабушка наливала в большую железную миску простоквашу, ставила на стол чугунок с вареной в мундирах картошкой, и они дружно хлебали простоквашу, заедая очищенной от кожуры картошкой. Это в начале пятидесятых годов происходило, немного времени после войны еще прошло, поэтому не жировал народ.

Поев и облизав ложку, сын убирал ее за голенище сапога, рабочим круглым концом вверх, а дочери,

тоже облизав свои ложки, вставляли их в специально прибитый к стене держатель с ячейками. У каждой ложки было свое собственное отверстие и еще одно лишнее для гостевой ложки.

Однажды бабушка Агафья открыла большой кованный сундук, стоявший в комнате, и начала вытаскивать оттуда наряды своей молодости. Я даже как-то по-другому ее увидела.

Первым вытащила приталенный розовый костюм из парчи с ажурными кружевами, как в исторических фильмах про старинную жизнь. Роскошный костюм: длинная широкая юбка и жакет, плотно облегающий фигуру, с пышными фонариками рукавов у плеча.

– На, померяй! – великодушно предложила она.

Но мне ее наряды были велики, я маленькая ростом, а бабушка высокая.

Как-то зашла ее младшая дочь Дуся, я попросила ее примерить костюмы бабушки. Очень ей шли эти наряды. Дуся была высокая, статная, круглолицая, как большая часть чалдонок – коренных сибирячек. Один из этих костюмов она забрала себе.

– Вот в этом я замуж выходила, – грустно произнесла бабушка Агафья, держа в руках самый светлый наряд.

Одежда, конечно, слежалась и помялась от долгого хранения в сундуке, попахивала плесенью и прелью, но сшита она была из дорогих тканей, отделана воздушными, ручной работы кружевами. Бабушка Агафья в молодости, видимо, была большая щеголиха. Она рассказывала, что замуж вышла в богатую семью. Да это и по дому было видно. Окна высоко от земли расположены, по четыре окна на каждой стене.

Там все дома на один лад устроены: прихожая-сени, кухня и довольно большая комната. На кухне недалеко от двери расположена русская печь с широкой лавкой, чтобы на нее можно было лечь, напротив – стол, а под ним большой ящик с решеткой – курятник. В таком курятнике иногда в других домах и с десятков кур зимой жило.

В комнате стояла кровать за пестрой ситцевой занавеской, лавки по всем стенкам, дощатый стол внушительных размеров посередине, тяжелый деревянный сундук с выпуклой крышкой и кованными металлическими украшениями.

Дом старый, но добротный, построенный на века, он принадлежал мужу Агафьи. Муж ее на фронте погиб. Некогда большое хозяйство вывелось, не было у нее ни кота, ни собаки. Одна старая курица осталась.

– Не могу я ее зарезать, рука не поднимается, – сокрушенно говорила бабушка.

Курица, несмотря на преклонный возраст, выг-

лядела неплохо, перья ее торчали в разные стороны, придавая облику легкомысленную пушистость. Летом она бодро бегала по двору, добывая себе пропитание. Я не припомню, чтобы старушка ее летом кормила. Зимой курица сидела под кухонным столом.

Курица была настолько стара, что давно забыла о своем главном предназначении – нести яйца, и бабушке Агафье приходилось яйца покупать в деревне и сдавать их в приемный пункт. За эту курицу бабушка должна была сдавать в качестве налога семьдесят яиц в год.

Клава, одна из дочерей бабушки Агафьи, долго не могла в Иркинеево найти работу. Однажды она отправилась со мной во Времянку в надежде, что может, там ей что-нибудь подвернется. Во Времянке Клава познакомилась с молодым мужчиной по имени Володя, он прибыл в ссылку из Ленинграда. Парень был Клаве под стать: красивый, высокий, видный. Они стали вместе жить, им выделили лес, и они довольно быстро построили во Времянке двухквартирный дом совместно с другой молодой парой. Клава забеременела, у нее родился мальчик.

Как-то она пригласила меня к себе домой в гости. Мы с Клавой играли с малышом, и вдруг она спрашивает:

– Ты ничего странного не замечаешь у моего мальчика?

– Нет.

Она стала водить рукой перед лицом сына, а он совершенно не реагировал на ее движения. Он, оказывается, слепым родился. Очень мне стало жалко и ее, и малыша.

Когда у Володи срок ссылки подошел к концу, Клава начала все время тихо, как заклинание, повторять: «Хоть бы Володя не уехал. Хоть бы Володя не уехал. Хоть бы Володя не уехал». А он, однажды услышав это, сказал: «Я обязательно уеду, как только получу документы, сразу уеду. Я никогда тебе не прошу, что ты допустила меня до себя в женские дни и я вымазался кровью, а в бане надо мной мужики смеялись».

Он стоял, опершись о косяк в дверях, и не обращал внимания на то, что они с Клавой не одни, что я, совсем еще молоденькая девчонка, тоже слышу этот разговор.

Другая дочь бабушки Агафьи Дуся работала в приемном пункте сельхозпродукции. Она ходила по домам и учитывала, кто какой скот держит, сколько имеется в хозяйстве кур и другой живности. На основании этих сведений начислялись

налоги. Люди, конечно, к ней относились с неприязнью, хотя она просто выполняла свою работу. А найти работу было трудно...

Сын бабушки Агафьи работал в леспромхозе на лесозаготовках.

Урок физкультуры

В школе учились ребята разного возраста. Некоторым исполнилось уже по семнадцать-восемнадцать лет, во время войны у многих не было возможности учиться.

Хорошо помню один случай. Как и во всех школах, у нас проводились уроки физкультуры. Вел их молодой учитель. Как и положено зимой, занятия проводились на лыжах. Лыж, конечно, было мало, своих ни у кого не имелось. На весь класс, может, четыре-пять пар лыж всего. Не было, конечно, и лыжных ботинок, лыжи прикреплялись к валенкам. Всем лыж не хватало, поэтому с горы съезжали по очереди. Кто-нибудь прокатится, поднимется на гору, передает лыжи следующему... Остальные стоят, терпеливо ждут своей очереди на вершине горы. Гора очень крутая.

Одна девушка встала на лыжи и помчалась с горы вниз. Одета она была в короткий плюшевый жакет, ситцевое платье и валенки. На спуске она споткнулась и упала, широкий подол платья задрался на голову, а попа-то оказалась голая... Учитель смущенно отвернулся:

– Урок окончен, возвращаемся в школу, – объявил он.

Физрук, наверное, рассказал директору школы об этом эпизоде. Директор подозвала меня к себе и говорит:

– Рая, ты можешь завтра прийти на родительское собрание? Только ты приди в этой же одежде, что и сегодня на тебе.

Я весь вечер думала: «Что все это может значить?» На мне были связанные мамой черные рейтузы, серые подшитые валенки и очень красивое платье в крупную клетку из шотландки. В косички я вплетала ленточки вишневого цвета из шелковой подкладки от мамино пальто. Я эти ленточки гладила и завязывала бантики на косичках, они очень хорошо подходили по цвету к моему платью. В общем, одета я была строго.

На родительском собрании директор рассказала всем об эпизоде, произошедшем на уроке физкультуры. Подозвала меня, вытащила на сцену и говорит: «Вот как должна быть одета ученица. У меня большая просьба к родителям одевать девочек строже и теплее, а не в платье-клевш сре-

ди зимы и без трусов. Это для здоровья вредно». А того, что рейтузы у меня заштопанные и платье три раза перешито, никто не заметил.

Наверное, тогда в деревнях многие ходили, как та девушка. Не на что было купить, нечего, да и негде.

Как мне помнится, этот случай резко переменял отношение одноклассников ко мне. В классе я была меньше всех ростом, да еще нерусская. Ребята ко мне относились с предубеждением, я была чужим человеком. А после этого случая приняли в свою компанию, стали разговаривать и даже советовать-ся. Отношение ко мне изменилось совершенно.

Как-то раз один мальчик из нашего класса даже позвал меня к себе домой. Он сказал, что покажет что-то интересное, пока бабушки нет дома. Я и еще несколько ребят отправились к нему. Он открыл на полу кухни дверцу в погреб, мы спустились по пыльной лесенке вниз и увидели огромную кипу старых денег. Пачки, небрежно брошенные, лежали кучей прямо на полу. Я ничего подобного раньше не видела, но почему-то сразу поняла, что это деньги и что они старые.

Мальчик сообщил нам, что, по рассказам бабушки, очень давно в их доме некоторое время жил Верховный правитель России 1918–1920 годов адмирал Колчак. На некоторых купюрах была изображена женщина в царском облачении. Может быть, это были государственные кредитные билеты 1910 года? Из-за того, что на банкнотах была изображена императрица Екатерина, эти деньги часто называли «катьки», «катеньки», «екатеринки». Другая, большая, часть купюр относилась ко времени Колчака. Еще летом 1918 года Сибирское Временное правительство, испытывая финансовые трудности, выпустило свои деньги.

Мельник

Подошло время выпускных экзаменов после окончания восьмого класса. Экзамены были не каждый день, и я стала бывать дома чаще.

Помню, как однажды, возвращаясь вечером домой с консультации, я уже вышла из Иркинеево. На самом краю деревни на отшибе стоял старый дом, там жил седоголовый дед, его почему-то все звали Мельником.

Дед что-то делал во дворе, увидел меня и говорит:

– Доченька, куда на ночь глядя собралась? Смотри, погода портится, гроза надвигается. Не ходи сегодня домой.

Я ему отвечаю:

– Не хочу возвращаться обратно в деревню.

Он кричит мне вслед:

– Не ходи, смотри, какая черная туча нависла! Переночуй у меня, а утром я тебя рано разбудю, как только солнце встанет, и беги с богом домой.

Прозвучал первый раскат грома, пошел дождь, поднялся сильный ветер, началась гроза. Очень мне страшно стало. В Сибири во время грозы молния часто бьет в высокие лиственницы. Я вернулась, зашли мы в дом. У деда было очень тепло.

Он говорит:

– Хочешь, на печку полезай или на лавке ложись.

Кинул мне подушку, лоскутное одеяло и ушел. Я легла, но уснуть долго не могла, потому что там было полно блох. Они больно кусались. Но гроза была страшнее.

Утром, часов в пять, наверное, слышу шаркающие шаги на кухне. Дед самовар раскопчегарил, какую-то траву заварил и говорит:

– Вставай, доченька, погода хорошая, чайку попьешь и можешь идти с богом.

Он налил мне чаю, дал два кусочка сахара, кусочек хлеба. Думаю, что это было все, что у него имелось из еды. Я попила чаю и отправилась домой. По дороге я увидела два поваленных грозой дерева, а на краю поля за деревней догорала сухая лиственница, надвое расколота молнией. Я подумала, что дед был прав, отговорив меня вчера идти домой в такую погоду.

После этого случая я часто останавливалась поговорить с Мельником. Он мне много интересного и полезного рассказал.

– Доченька, тут ведь зверья-то полно всякого, – говорит. – Как услышишь в лесу треск, остановись, не беги, присмотрись, если это сохатый, то встань за ствол дерева и стой. Он повернуть не сможет, ему рога мешают, дождись, пока он мимо пройдет, тогда свой путь и продолжай.

Деревенские жители считали Мельника колдуном, его побаивались и сторонились. Мне показалось, что он был не местным, возможно, тоже ссыльным, но сослан в Сибирь был гораздо раньше. Какой-то особенный он был. Ходил и летом и зимой в валенках. В деревне редко появлялся. Он обладал большими житейскими знаниями и умел грамотно говорить. Страх у меня не было перед ним совершенно.

Архитектурный техникум

Как-то после консультации ко мне подошел мой одноклассник Иван и предложил:

– Пойдем погуляем?

– Я не могу, мне очень далеко домой идти во Времьянку, – отвечаю.

– Да ненадолго, пойдем к речке, мне серьезно поговорить с тобой надо, я давно собирался, но стеснялся, – настаивал он.

Прошли мы немного, он продолжил свою речь:

– Я решил подавать документы в Архитектурный техникум в Красноярске, хочу тебе предложить вместе со мной поехать поступать. Хорошо, когда рядом есть знакомый человек. Я в городах-то не бывал, но с детства мечтаю стать архитектором.

– У тебя же подруга есть, почему ты ее с собой не зовешь? – спросила я.

А он в школе дружил с той девушкой, которая зимой на уроке физкультуры упала.

– Она давно мне не подружка!

«Может быть, тот случай на уроке физкультуры сыграл свою роль?» – подумала я, но спрашивать не стала. Не ответила ему ни «да», ни «нет», хотя его предложение меня очень смутило.

Иван, наверное, самым старшим был в классе, лет на шесть старше меня. Такой прямо уже мужичок по сравнению со мной. Я тогда очень хотела учиться, часто думала о будущем, но ни про какие учебные заведения ничего определенного не знала. Не было там у нас ни газет, ни журналов, ни телевидения. Книг очень мало было. Хорошо, что мои родители, образованные люди, частенько разговаривали со мной на разные интересные темы.

А Иван где-то нашел информацию о профессии архитектора. Парень учился хорошо, видимо серьезно задумывался о своем будущем. Он привел убедительные доводы: «Можно, выучившись, вернуться обратно. Работу здесь легко найти, везде строительство идет, как раз сейчас строят Богучанскую ГЭС. Архитектор – это вообще профессия будущего». Столько мне всего наговорил, что я загорелась его идеей. Решила тоже поступать в Архитектурный техникум. Но без него, самостоятельно. И еще я подумала, что, наверное, ему понравилась. Не просто же так он подошел именно ко мне?

Он уехал в Красноярск, от него долго не было никаких вестей. Прошло года два, я была уже замужем, когда мне знакомые девочки сообщили, что к ним в столовую приходил мужчина, молодой, красивый, хорошо одетый, и спрашивал, где можно найти Раю. Ему сказали, что я замужем, и он искать меня больше не стал.

Медведь

Казимир, один из знакомых литовцев из Времянки, научил меня ездить на велосипеде и давал мне его для поездок в школу. Добираться на экзамены и на консультации стало проще.

Однажды я мчалась на велосипеде из школы домой привычной дорогой. А в лесу в одном месте надо было речку переходить. Речка была не глубокая, как ручей, воды немного, но течение очень быстрое. Кто-то перекинул через нее два бревна, хотя речушку можно было перейти и вброд, не наступая на эти бревна. Я на велосипеде проехала по дну и начала въезжать на горку.

Вдруг слышу, сзади раздается оглушительный треск. Я повернула голову, смотрю, дерево падает, а под ним огромный коричневый зад. Ничего больше не разглядела. У меня волосы дыбом встали, душа в пятки ушла. К счастью, дерево упало не в мою сторону. Это была огромная сухая лиственница.

Велосипед подо мной закрутился во все стороны как живой. Помощи ждать было неоткуда. Я находилась примерно посередине пути, десять километров было от деревни Иркинеево, откуда я ехала, и двенадцать оставалось до леспромхоза. Кое-как удержалась на велосипеде. Изо всех сил закрутила педали еще быстрее. Неслась стремглав подальше от страшного места.

На лесной дороге попала мне навстречу лошаденка, запряженная в телегу, в которой сидели два мужичка. Я встречала их и раньше. Иногда, если было по пути, они меня подвозили. Они остановили лошадь и спрашивают: «Рая, что с тобой?» Наверное, я выглядела очень перепуганной после такой гонки.

Я им рассказала обо всем. Они, когда услышали про медведя, уточнять больше ничего не стали, а хлестнули лошаденку и помчались как можно дальше.

Дома рассказала родителям о случившемся. Отец говорит:

– Господи, ну что же делать-то с тобой, прямо беда! Может, вместе с тобой в следующий раз в школу пойти, чтобы тебе не так страшно было?

А что тут поделаешь? Отец работал, мама хозяйством занималась, у нее всегда высокое давление было...

Травма

Когда мы с мамой приехали в Сибирь, отец сразу начал заготавливать лес. Ему разрешили рядом с общественной баней занять небольшой участок. Он сам деревья топором валил, сам сучья рубил. Потом сделал примитивную тележку, на которую комель дерева кидал, чтобы одному можно было с бревнами управляться. Катил на этом колесе бревна ближе к дому. Там мы с мамой их шурили.

Отец начал строить дом! Понемножку, венец за

венцом, поднимался небольшой домик, примерно пять метров на четыре всего. Должны были получиться маленькая кухонька, небольшая комната, а коридор отец собирался смастерить из досок. На большой дом не хватало ни сил, ни средств.

Закончив учебу в школе и получив аттестат, я решила поехать в Красноярск учиться в Архитектурном техникуме. Ехать надо было примерно за семьсот километров от дома, но это меня не пугало. С отцом посоветовалась.

– Конечно, надо ехать. Нужна какая-то специальность, учись. Только мне казалось, что ты займешься языками или литературой. Почему Архитектурный техникум? – удивился он.

В день отъезда стою на берегу, жду пароход, чтобы уехать в Красноярск, а ко мне подъезжает молодой человек на велосипеде. Это был Казимир.

– Рая, меня попросили передать тебе, что твой папа нечаянно отрубил себе ногу, – сказал он.

В это время я вижу, что пароход «Товарищ» уже к берегу подходит.

– Я не знаю, что мне делать. Видимо, надо возвращаться, – растерянно отвечаю я.

Сердце сжалось в комок от сострадания к отцу, и еще я поняла, что если папа получил такую серьезную травму, значит, я уже не смогу учиться, мне не на что будет. На учебу все равно какие-то деньги нужны.

– Не отчаивайся, – говорит Казимир. – Давай договоримся так. Ты поезжай в Красноярск. Поступай учиться. Я тебе помогу финансово, выучишься, потом долг вернешь.

Но я была так воспитана, что рассчитывать привыкла только на свои силы.

– Нет, я вернусь домой, – сказала я.

Приезжаю домой. Вижу, сидит мой отец. Мертвенно-бледный, но в полном сознании. Он сам совместил кости перерубленной ноги, поставил кость к кости и сделал перевязку. Врача мы не нашли, он с утра уехал зачем-то в район. Первую помощь оказать было некому. Мама пришла только вечером, она ходила в лес за грибами. Отец сам себе наложил шину из дощечек, забинтовал ногу оторванными от рубахи рукавами.

Ему дали больничный лист на неделю, потом оформили отпуск. Доктор из Соленого приезжал, литовец по фамилии Буткус, рану осматривал.

– Вы врачом раньше работали? – спрашивает отца.

Значит, отец достаточно грамотно себе первую помощь оказал.

Специалисты там были хорошие, два докто-

ра-литовца в ссылке находились, но у них ничего из необходимых препаратов не было, кроме самых примитивных лекарств. Об инвалидности даже речь не шла. Отец долго хромал, страшно мучился, терпел боль молча, иногда его лицо становилось землисто-серого цвета от невыносимых страданий. «Как может на долю одного человека выпасть столько испытаний?» – часто думала я о нем.

Первая работа

Ко мне обратилась продавщица Рута:

– Отпусти меня, Рая, в отпуск. Замени в магазине, все какую-то копейку заработаешь, и я отдохну немножко.

– Я же ничего не умею, – отвечаю ей.

– Я тебя всему научу, здесь работать несложно.

И я приняла у нее магазин. Люди, приходившие за покупками, видели, что за прилавком стоит совсем молоденькая девчонка, но никто не грубил, не шумел, все старались помочь советом. Месяц я отработала продавцом. Боже упаси, чтобы хоть что-то взять и не заплатить! Постоянно сама себя проверяла.

Неожиданно приезжают ревизоры. Тогда ревизии проводили только ночью, чтобы днем магазин мог работать. Начинают проверку. Как гром среди ясного неба: «Недостача!» Да что-то очень большая! Позвонили директору ОРСа (отдела рабочего снабжения), рассказали ему о результатах ревизии. Он сразу примчался, этой же ночью.

– Покажи мне документы на продукты, которые ты получила, – говорит.

Я показала.

Он спрашивает:

– Где бочки у тебя?

А тогда в магазин поступали бочки с копченой колбасой, залитой говяжьим жиром. Они были весом по сто и по двести килограммов.

Он посмотрел на эти бочки и говорит:

– В накладной написано: бочка двести килограммов, а получила ты сто. Минусуй эту сумму, и у тебя все сойдется.

В общем, отчиталась я очень хорошо. Как оказалось, не одного продавца тогда таким образом «нагрели». Кто-то заплатил, кого-то посадили, а мне крупно повезло, что на контрольную ревизионную проверку приехал сам директор ОРСа.

Так я отработала первый месяц в своей жизни. Сама не знаю, как на такую ответственную работу решилась.

Столовая

Когда вернулась продавщица из отпуска, меня пригласили временно заменить официантку в столовой. Там я работала дольше.

Помню, в столовой поваром трудился китаец, все его звали Вася. Очень вкусно готовил и был такой доброжелательный. Как-то даже пытался научить меня готовить свои национальные блюда.

В столовой произошла смешная история. Как-то раз приезжает бухгалтер из Соленого во Времяянку с проверкой. Пожилой мужчина, строгий.

Говорит:

– Можно у вас покушать?

– Что бы вы хотели? – спрашиваю его.

Роскошных яств не водилось, но несколько дежурных блюд всегда было.

– Я бы борща поел.

Повар Вася постарался, борщ получился наваристый. Принесла я проверяющему тарелку, поставила перед ним на стол, отошла в сторонку.

Вдруг он кричит:

– Подойдите сюда! Зовите быстро повара!

Зову Васю, он перепугался, прибежал немедленно.

Бухгалтер орет:

– Смотрите, что вы подаете, это же таракан плавает!

Вася аккуратно поддел ложечкой таракана, положил в рот и, причмокивая, его съел. А проверяющему говорит:

– Это не таракан. Это лук жареный.

И такую потешную гримасу состроил в мою сторону, что я чуть не расхохоталась. Бухгалтеру ничего другого не оставалось, как съесть этот борщ.

А тараканов в столовой было видимо-невидимо...

Китаец Вася женился на русской женщине с ребенком. У его жены была дочка Машенька, лет четырнадцати, наверное. Уже тогда было видно, что из нее получится редкая красавица, одна коса чего стоила, длинная, толщиной с мою руку.

Как-то летом поехали они покупать поросят в Иркинеево. Меня звали с собой, но мне надо было папе помогать на строительстве дома, у него еще нога болела. К ним присоединилось еще человек пять-шесть из молодежи, кто верхом на лошади, кто на велосипеде.

Вернулись без Маши. Машенька утонула в горной речке Иркинеевке.

Стоял жаркий день. Ребята решили в устье этой реки выкупаться. Когда Маша начала тонуть, парнишка, который рядом с ней купался, пытался ее вытащить. Но она потянула его за собой, судорожно

вцепившись в него руками. Ему пришлось отодрать от себя ее руки, иначе погибли бы оба. А схватить Машу за косу он не догадался. Так ее на глазах у всех и унесло быстрым течением.

Вася нам сказал:

– Я на работу не выйду, пока мы Машу не найдем и не похороним.

Он ушел с работы, нашел всех китайцев, которые там жили, их было человек десять, и они все занимались поиском тела Маши. Иркинеевка в Ангару впадает, так вот нашли и вытащили Машу уже на двести километров ниже по течению, в Ангаре.

В столовой я проработала до середины сентября, пока не вернулись из отпусков постоянные работники.

Саар

Несмотря ни на что, я с теплом вспоминаю годы, проведенные в Сибири, благодаря людям, которые нас окружали.

Помню одного эстонца, его звали Саар. Это был представительный мужчина лет пятидесяти, двухметрового роста, очень загорелый, с чудесной белозубой улыбкой. Редкая смесь мужской брутальности и интеллигентности. Тоже политический ссыльный, как и мой отец. Скорее всего, в Эстонии он работал в сфере культуры или искусства.

Саар был хорошим рассказчиком, хоть говорил на ломаном русском языке. Он умел подобрать правильные слова, точно и выразительно передать свои мысли.

Саар много рассказывал о своих детях, оставшихся в Эстонии: дочь пела в оперном театре, сын танцевал в балете. Жена тоже чем-то занималась в высоких сферах.

Саар дружил с моим отцом, и отец пригласил его к нам в гости на юбилей. Отцу исполнилось пятьдесят лет. Мы сидели за столом, речь зашла о танцах. Я спросила Саара, не знает ли он, что это за танец такой «рок-н-ролл». Где и услышала-то это название? Саар вызвался мне его показать. Он вышел на свободное место в нашем маленьком домике и принялся так лихо отплясывать рок-н-ролл под собственный аккомпанемент, что отец, испугавшись, что дом рухнет, прекратил урок танцев. Танцевал Саар виртуозно.

Он часто покупал в магазине рыбу. Тогда треску или горбушу привозили в бочках по сто или по двести килограммов в рассоле. Саар покупал пару килограммов, мыл рыбу, резал на куски и ста-

вил на целый день в чугушке вариться на печку-буржуйку поближе к трубе, где было не так горячо.

Вечером он съедал эту рыбу вместе с костями. Однажды отец спросил его, как он управляется с рыбьими костями, и Саар дал нам попробовать приготовленную таким способом рыбу. Оказалось, что кости становились совершенно мягкими. Саар показал нам свои зубы, они были белые и крепкие, и сказал:

– У меня на родине в Эстонии у всех зубы остаются такими до старости благодаря тому, что мы едим рыбу с костями. В костях много кальция и фосфора.

Саар, как и все ссыльные, работал в лесу на лесозаготовках. Однажды он предложил съездить за ягодами на рабочей машине. Сказал, что недалеко от лесной делянки, где он работает, полно ягод.

Мы отправились вчетвером, Саар за рулем в кабине, а мы втроем, я и еще две знакомые женщины, – в кузове.

Приехали мы в лес, прошли лесную делянку, Саар сказал: «Стойте здесь». А впереди перед нами открылся живописный вид на большую зеленую поляну с ровными очертаниями, заросшую травой и невысоким кустарником. Нам захотелось броситься туда, лечь на зеленую сочную траву.

Но Саар взял увесистый камень и бросил его в центр поляны. Оказалось, то, что мы издали приняли за поляну, на самом деле огромный, глубокий, заросший деревьями котлован с удивительно ровными краями. А кустарник оказался верхушками деревьев, росших на дне этого котлована.

Мы долго слышали звук эха, как в горах от падения камня, а потом увидели, как зашевелились ветки в котловане, там внутри что-то ожило, зашипело, зашуршало, зашевелилось. Оказалось, что котлован сплошь заселен змеями. Потревоженные, они сплетались огромными клубками, шевелились и шипели, переползая друг через друга.

Мы в ужасе отшатнулись.

Саар сказал:

– Не бойтесь, наверх они не вылезут. Но не дай бог оказаться внутри ямы!

Я никогда не видела такого количества змей. Мы забыли про ягоды и решили вернуться домой. Когда мы шли к машине, Саар задумчиво произнес:

– Наверное, когда-то очень давно сюда упал метеорит и от его удара о землю образовалась такая ровная глубокая воронка. Возможно, от метеорита и сейчас идет какое-то излучение, привлекающее змей. Вот они здесь и поселились, живут и плодятся.

Мне подумалось, что Саар привез нас сюда не за ягодами, а чтобы показать странный котлован. Наверное, его давно мучила эта загадка природы и он

решил ею с кем-нибудь поделиться. Возможно, воронка действительно была местом падения метеорита, но обсудить с кем-то компетентным это явление у Саара не было возможности.

А у меня еще долго перед глазами мелькало шевеление веток и травы, переползающие друг через друга отвратительные твари, я никак не могла избавиться от неприятного видения.

С Сааром была связана еще одна история. В ссылке он познакомился с женщиной по имени Хилма, они стали вместе жить. У нее было двое взрослых детей – сын Валентин и дочь Майми. Хилма была маленького роста, невероятно толстая. В хозяйстве у нее имелась корова. Хилма часто угощала нас парным молоком.

Хилма, простодушная хохотушка, сама первая заговорила с Сааром. Выходила из магазина, увидела Саара и говорит:

– Ты сегодня мне во сне приснился. Как будто сватать меня пришел!

Трудно было найти пару более неподходящих друг другу людей. Несмотря на это, сложился гармоничный союз, в котором люди без слов понимали друг друга. Наверное, они были посланы один другому как спасательный круг, когда особенно нуждались в заботе и любви.

Но когда у Саара закончился срок ссылки, он, как и многие другие, уехал из Сибири на родину к своей эстонской семье.

Дом культуры

В Соленом не было Дома культуры. Часть жилого дома отделили, чтобы организовать импровизированный кинозал, он являлся единственным очагом культуры на многие километры вокруг.

Жил в поселке один человек, если память мне не изменяет, по фамилии Гордон. В прошлом работник культуры, говорили даже, что возглавлял какой-то театр в Москве. Однажды он пришел к директору леспромхоза и предложил ему построить Дом культуры.

– Давайте, – говорит, – сделаем жизнь людей в поселке интереснее, веселее. Если вы дадите лес на строительство, я организую работу молодежи на стройке и мы быстро возведем Дом культуры своими силами.

Директор согласился. И даже разрешил занять участок земли в Соленом посреди поселка на небольшой горке. Стали лес возить.

Гордон пошел по домам, всю молодежь собрал и обратился к ним с такими словами:

– Ребята, хотите культурно жить? Давайте построим в поселке Дом культуры. Денег на строительство нет, работать будем бесплатно. Может быть, премии дадут отличившимся, когда закончим. Трудиться будем в свободное от основной работы время. И еще. Кто из вас раньше учился музыке? Обещаю организовать два оркестра: струнный и духовой. Музыкальные инструменты купим.

Нашлось шесть-семь человек из латышей, эстонцев, литовцев, которые до ссылки учились в музыкальных учебных заведениях.

Я бы никогда не поверила, что такое чудо возможно, если бы собственными глазами этого не видела. Даже года не прошло, как посреди Солонного возникло большое бревенчатое здание Дома культуры.

Торжественное открытие клуба на четыреста мест, – представляете, на четыреста мест! – назначили на ближайшее воскресенье.

Открытие было грандиозным праздником. Во время официальной части всем, кто отличился на строительстве, выдали премии. Директор леспромхоза выделил деньги на музыкальные инструменты, на занавес для сцены. Состоялся большой концерт, играли два оркестра, струнный и духовой. Все было очень торжественно и красиво.

Таких, как Гордон, хорошо образованных, интеллигентных людей было множество в Сибири. Само их присутствие производило революцию. Под их влиянием в сибирских селах возникали хоры, драмкружки, художественная самодеятельность, организовывались концерты, да просто люди начинали читать хорошие книги...

Впоследствии в клуб ходило много народу – и молодежь, и пожилые люди. Конечно, по вечерам там проводились танцы. Танцевали вальс-бостон, падеграс, кадрили и многие другие танцы. Местные жители даже не слышали таких названий. Среди ссыльных находились люди, которые сами умели и других учили танцевать.

С появлением Дома культуры к нам стали приезжать на гастроли театры и артисты с концертами из Красноярска, Абакана и других городов. Культурная жизнь в леспромхозе закипела.

Три танкиста

По выходным мы ходили в Дом культуры на концерты или на танцы. Там я часто встречала компанию из трех молодых людей, все их называли «три танкиста», они работали трактористами на лесозаготовках. Все трое были передовиками производства. Эти ребята очень выделя-

лись из общей массы местной молодежи. Они не пили, не курили, не матерились, если надо было, могли постоять за себя. Сами никого не задевали, но в обиду друг друга не давали.

Несмотря на молодость, каждый из них прошел непростой жизненный путь до ссылки в Сибирь. Одного звали Томас, ему было двадцать три года, второй Казимир, двадцати четырех лет, и третий Йонас, ему было двадцать шесть. Дружные ребята, они всегда были вместе.

Если я оставалась в клубе на танцы, они всегда ждали меня, чтобы потом проводить домой, все трое. Позже мы стали ходить в клуб все вместе, и к нашей компании присоединились еще три литовские девушки.

Однажды стою я у кассы в клубе и слышу разговор. «В этой команде из Времянки, которые всегда втроем приходят, один только билеты на всех всегда заказывает», – рассказывает кому-то из знакомых женщин кассирша. Я заинтересовалась, но виду не подала. Стала наблюдать, и выяснилось, что билеты на концерты, а к нам тогда уже часто стали приезжать артисты, заказывает и покупает только Казимир. Звонит по телефону, узнает, какие артисты приедут, и заказывает всегда самые хорошие места...

Паша Желтянников

Во Времянке проживал еще один интересный персонаж, звали его Паша Желтянников. Он был из уголовных ссыльных, «блатной», как там говорили.

Его все немного побаивались. Красивый был парень, улыбаясь, золотыми фиксами сверкнет: все девчонки – его. Такой был щеголь, очень красиво танцевал, хорошо пел.

Помню один эпизод, с ним связанный. Мы как-то купались на Ангаре, неподалеку от парохода «Товарищ». Я незаметно для себя заплыла или, может быть, меня течением унесло за пароход, на другую его сторону. Когда пароход пошел, а волны от него образовались огромные, я стала захлебываться.

Никто на берегу этого не заметил, хотя народу было очень много. Обратил внимание только Павлик Желтянников. Он бросился в воду и поплыл ко мне. Я уже из последних сил держалась на воде. Он меня спас, вытащил на берег, а в это время туда подъехали «три танкиста». Пашка и говорит им:

– Гулять-то с ней гуляете, а не заметили, что девчонка чуть не утонула.

Парни его поблагодарили за мое спасение, но предупредили, чтобы больше он ко мне не подходил.

Бывало, иду из Времянки в Солёный в магазин, а путь неблизкий – шесть километров, – а Пашка идет за мной следом в некотором отдалении. Ходил, но никогда не заговаривал. Помнил, что ему строго наказано было.

Айли

Случилось так, что из Латвии в ссылку привезли отца и дочь. Во время ареста матери не оказалось дома, и их забрали вдвоем, девочку и ее отца.

Удивительно красивая девчонка. Лет, наверное, шестнадцати всего. В Риге она училась в балетной школе. Высокая, стройная. Талия такая тонкая, что, казалось, можно обхватить ладонями. Длинные, светлые, легкие волосы до пояса. Распахнутые ясные глаза в пол-лица. Звали ее Алина, отец называл Айли. Она очень плохо говорила по-русски.

Паша Желтянников положил на нее глаз, начал за ней бегать, караулить повсюду. Заставил ведь Айли выйти за него замуж. Буквально заставил. Отец за девочку заступиться не мог, с горя запил.

Помню, как она однажды от Пашки убежала. А куда там было бежать? Два ряда домов, а дальше необъятная глухая тайга. Он догнал, скрутил ей руки, Айли на колени упала.

Пашка засмеялся и сказал:

– Пока не согласишься за меня замуж выйти, будешь так стоять.

Что ей оставалось делать? Конечно, она согласилась.

На свадьбе она рядом с Пашкой сидела невероятно красивая. Заплела косы и венком уложила их на голове. Выглядела она как принцесса из сказки. Очень красивая пара получилась. Пашка достал ей где-то туфли на высоких каблуках, модное платье...

В Доме культуры на танцах они всегда выходили первыми танцевать.

Потом, когда Айли была уже беременна, он начал выпивать, часто домой не приходил по нескольку дней. Очень ей трудно жилось. Мы над ней шефство взяли, то с едой немножко поможем, то денег одолжим. Учили Айли русскому языку, потому что Пашка постоянно смеялся над тем, как она слова произносила.

Однажды приходит Айли ко мне и просит:

– Дай мне пуфетку.

Оказывается, Пашка ей сказал, что табуретка по-русски называется «пуфетка». Вместо того чтобы помочь жене научиться правильно говорить, высмеивал и обманывал ее. Такое у него своеобразное чувство юмора было.

Они, когда мирно жили, то приходили в Дом культуры на танцы, а ребенок, мальчик у Айли родился, спал на лавке или на стульях, пока они танцевали. Когда мальчик просыпался и начинал плакать, они уходили домой.

Но счастье длилось недолго. Вскоре Айли родила второго ребенка. У Пашки к тому времени закончился срок ссылки, он получил разрешение на выезд. Айли он пообещал, что, как только устроится, приедет за ней. Но не приехал... Что с него взять? Перекати-поле...

Сама еще почти ребенок, Айли осталась одна с двумя детьми, без денег, без работы. Многие семьи помогли ей чем могли. Потом ее устроили кассиром, билеты продавать в Доме культуры, чтобы хоть какие-то средства к существованию она имела. И влюбился в Айли молодой литовец, мальчишка совсем еще зеленый. Он ее часами караулил. Помогал как мог. А как мог? Стащит что-нибудь дома и ей отнесет.

Естественно, его мать была против такого выбора сына. Они сами перебивались с хлеба на воду, а тут невестка с двумя детьми. Когда встречала Айли на улице, то ругала ее самыми последними словами. Из-за его матери Айли и не решилась связать с ним свою жизнь.

И вот мы, восемь молодых семей, я уже замужем тогда была, собрали Айли на билет деньги, и наши мужики помогли ей сесть с детьми на паром. А тот парень-литовец, который ее любил, стоял на горе, боялся спуститься вниз и махал ей...

Перед отъездом Айли ему сказала:

– Если я хорошо устроюсь, то напишу тебе.

Больше от нее никаких вестей не было, и никто не знал, куда она уехала...

Сколько судеб было тогда сломано, разве считаешь! Горе не по лесу, а по людям ходило.

Томас

Про мою учебу уже речь и не шла. Папа долго лечился, очень болела нога. Он страшно мучился, долго хромал. Но, несмотря ни на что, продолжал строить дом.

Кто-то из соседей помог немного, но в основном он все делал сам. Сложил печку, дом еще не был достроен, но в нем уже можно было жить, и мы из общественной бани перебрались туда.

Вокруг меня все чаще стал «круги нарезать» один из «трех танкистов», Томас. Дарил подарки. Ну какие там могли быть подарки? В ОРСовский магазин завозили товары только первой необходимости. То отрез ткани на халат мне купит, то тазик принесет эмалированный, то еще что-нибудь для дома. Я на его ухаживания не отвечала и ничего никогда не брала, он оставлял подарки у нас в коридорчике.

Томас отличался хозяйственностью, у него имелась посуда, швейная машина, разные бытовые мелочи, которых у парней не было, и даже мотоцикл. Когда Томас, узнал, что Казимир научил меня ездить на велосипеде, то поменял свой мотоцикл на велосипед и принес мне этот велосипед в подарок. Предложил взять совсем, чтобы я у Казимира велосипед больше не брала. Но я отказалась.

А главное, Томас был обладателем патефона и множества пластинок. Как-то он меня спросил:

– Рая, можно я приду к тебе с патефоном, будем новые пластинки слушать?

Если честно, я не очень-то и хотела, чтобы он к нам домой приходил, но согласилась. Принес он патефон и пластинки, сел на стул, а я – на кровать, слушаем пластинки.

Самая новая была с песней из кинофильма «Кубанские казаки» – «Каким ты был, таким остался». Два раза мы ее прокрутили. Снял он ее осторожно с диска и бережно на кровать положил. Потом еще какие-то пластинки слушали.

Я попить сходила на кухню, вернулась, села снова на кровать, а пластинка соскользнула и сломалась.

Как он разорался из-за этой пластинки! Кричит:

– Ту сломала, не сломай и эти!

– Я откуплю, – отвечаю ему.

– В магазине такие пластинки кончились, больше нет!

Я обиделась. Все пластинки молча сложила, закрыла патефон и спокойно сказала ему:

– Пошел вон!

В нашей семье не принято было скандалить.

Утром ни свет ни заря встала, поспешила к открытию магазина. Думаю: «Откуплю ему эту пластинку».

Подхожу к магазину и вижу Томаса, он уже у дверей стоял. Я повернулась и ушла, не хотела его видеть. Вернулась через полчаса.

Томас попадает мне навстречу и говорит:

– Нет там такой пластинки.

Я молча прошла мимо.

Иду дальше, встречаю Казимира. Рассказала ему вчерашнюю историю. Он меня успокоил:

– Не переживай, найдем где-нибудь эту пластинку.

Вечером раздается стук в дверь. Открываю, Казимир стоит, в дом не заходит. Подает мне пластинку.

– Спокойной ночи, – сказал. И добавил: – Отдай ему, он очень мелочный.

Я собрала все подарки Томаса и вернула ему вместе с пластинкой.

Потом некоторое время если «три танкиста» приглашали меня пойти с ними куда-нибудь, я отказывалась. Бойкот им объявила.

Прошло еще какое-то время, кто-то из них мне предложил:

– Из Красноярска театр приезжает. Спектакль очень интересный привезут, пойдём с нами.

В общем, уговорили, я пошла. Дружеские отношения возобновились.

Немного позже я узнала, что в Соленом открылись курсы механизаторов и Казимира отправили туда работать инструктором, обучать трактористов, а Томаса перевели работать в лес за двести километров, за Богучаны.

Соперница

Казимир иногда приходил к нам в столовую пообедать. По выходным мы ходили с ним в кино, на танцы и на концерты. Вел он себя со мной деликатно, не приставал. Отношения были скорее дружеские, чем любовные.

Однажды ночью, когда мы с родителями уже спали, раздался вдруг страшный грохот во дворе. Отец выглянул в окно, но в темноте ничего не разглядел. Утром мы увидели, что у нашего крыльца выгружен целый воз дров, напиленных уже. В Сибири очень ценились дрова из лиственницы, она хорошо горит и дает много тепла. Дрова были очень хорошие, из лиственничной сушины.

У старичка Почкаускаса, который невдалеке прогуливался, важно трубочкой попыхивая, спрашиваю:

– У нашего дома появилась большая куча хороших дров, ты случайно не в курсе, кто мог их привезти?

– Ну конечно, один из «танкистов», – отвечает. – Томас далеко работать уехал, Йонас недавно на литовке женился, значит, это Казимир привез дрова, больше никому.

А Казимир не зашел, не сказал ничего. И не один раз он такие сюрпризы молча устраивал.

Как-то днем ко мне на работу в столовую приходит одна из знакомых девушек-литовок:

– Рая, мне надо с тобой поговорить, когда мы сможем это сделать?

– Да хоть сейчас, – отвечаю.

– Нет. Разговор у нас серьезный, я лучше подожду к тебе в конце рабочего дня.

Приходит она вечером и говорит:

– У меня большая просьба к тебе, Рая. Сделай, пожалуйста, то, что я прошу. Ты еще молодая, найдешь себе другого, уступи мне Казимира, я его давно люблю, но он на меня внимания не обращает.

Я отвечаю:

– Боже ты мой, забери. Я с ним не встречаюсь, просто мы за компанию вместе в клуб ходим. Я ни с кем не дружу, я собираюсь в Красноярск ехать учиться.

Поблизости не было ни вузов, ни техникумов, ни средней школы, отец очень долго болел, мне надо было помогать семье, поэтому учеба стала для меня недостижимой мечтой, но я еще на что-то смутно надеялась.

Она предложила:

– Я тебе отдам все, что у меня есть, и украшения, и наряды.

– Да не надо мне ничего, прилагай усилия, я мешать не буду, – ответила я.

Еще раньше Томас рассказал мне, что Казимир любит его соотечественница. И добавил, что женится Казимир только на женщине своей национальности, на литовке. Все же я решила серьезно поговорить с Казимиром. Как-то иду вечером с работы, было уже довольно темно, смотрю, а Казимир стоит возле нашего дома.

– Давай поговорим, – предложила я. – Ты ведь знаешь, что одна из ваших девушек-литовок любит тебя?

– Да, знаю давно уже. Она с первого дня ко мне так относится. Только я воспитан так, что когда девушка вертится вокруг меня, мне это не нравится, это нехорошо. Мне неудобно перед людьми, когда она первая бежит здороваться или что-то приготовит и несет меня угощать. Меня от этого коробит, поэтому у нас отношения не складываются. У меня на родине другие правила. Мужчина выбирает девушку и первым проявляет инициативу. Я не могу ничего ей обещать и обижать не хочу.

Не прошло и трех недель, как я узнала, что та девушка на работе случайно выпала из кузова грузовой машины и разбилась насмерть.

По роковому стечению обстоятельств Казимир в этот день сильно заболел. Его привезли в больницу, и там он увидел ее мертвое тело на носилках, накрытое простыней...

К нам во Времянку часто приезжали торговать мясом, овощами, молочными продуктами два брата, Вадим и Виктор, из деревни Мантулино, находившейся за десять километров от Времянки. Их продукция пользовалась большим спросом и во Времянке, и в Соленом.

Вадим, старший брат, был председателем мантулинского колхоза, а Виктор только что вернулся из армии. По национальности они были татары, тоже сосланы в Сибирь всей семьей, только гораздо раньше нас.

Мы все в столовой знали, что Вадим похаживает к помощнице повара Клаве, молодой женщине лет тридцати, и она частенько ездит к нему в Мантулино.

Однажды Клава предложила мне: «Давай съездим в Мантулино, мама Вадима пригласила меня в гости и сказала, что я могу приехать с подружкой. Там у них два дома, ночевать есть где, а парни спокойные». Мы договорились поехать в Мантулино в ближайший выходной.

Уже наступила поздняя осень, шел легкий снежок, очень красивый день был и не очень морозно. Приехали.

Отец парней во дворе дрова складывал, приветливо поздоровался с нами. Заходим в дом. Мать Вадима и Виктора у русской печи хлопочет. В воздухе чудесные ароматы витают. Она приготовила вкусный праздничный обед. Встретила нас очень гостеприимно, обняла как родных, пригласила за стол. Пообедали, посидели, поговорили душевно.

Хозяйка говорит: «Виктор, иди-ка пойло унеси скотине». Она приготовила четыре ведра: два больших и два маленьких.

Виктор ко мне обратился:

– Пойдем со мной, Рая, поможешь мне ведра унести, чтобы мне второй раз не ходить.

Хлев находился через дорогу в старом доме. Виктор вылил одно ведро, берет другое, несет свинье. Я стою у стенки.

Вдруг на обратном пути он хватает меня, прижимает к стенке и рвет кофту на груди! Такой он был разгоряченный, что я не на шутку перепугалась. Я его ногой пнула и со всей силы руками от себя оттолкнула. Откуда и сила-то взялась у меня такая?

Может, я бы и не справилась с ним, но от толчка он покатился от меня по скользкому полу как по катку. Я в это время выскочила из хлева на улицу с ревом.

Стою на улице, плачу. Потом взяла себя в руки,

успокоилась, обтерла лицо чистым снегом, застегнула кофточку вязаную на все пуговицы, чтобы не было видно разорванной под ней, и зашла в дом.

Мать Виктора посмотрела на меня испытующе, но ничего не сказала. Сели пить чай, я молчу. Пришел Виктор, весь обляпанный навозом. Переоделся, умылся, тоже сел к столу. Разговора не получилось.

Мама его и говорит:

– Устали, наверное, все, пора спать ложиться.

Меня отвела в маленькую комнату.

– Вот здесь ляжешь, – говорит. – А вот крючок, закроешь им дверь с той стороны, чтобы спокойнее спалось. Наш петух-то приставал, наверное, к тебе?

– Нет, – отвечаю.

Утром я встала пораньше, умылась. Смотрю, чай уже готов, на столе самовар и пироги горячие стоят. Мать приглашает ласково:

– Иди, доченька, чай пить и кушать. Пока никого нет, давай поговорим.

Наливает чай, пирожки для меня сверху мажет и маслом, и сметаной, и еще не знаю чем. Вкрадчиво спрашивает:

– Доченька, а ты не хотела бы к нам жить переехать?

– Да я как-то не думала об этом, – отвечаю.

Она говорит:

– А ты подумай.

Я молча попила чаю.

– Пожалуй, домой пойду, – говорю ей, а про себя думаю: «Пока Виктор не проснулся, надо поскорее уходить отсюда».

Она всполошилась:

– Да куда же ты пойдешь, до вашего поселка от нас не меньше десяти километров! Не пущу я тебя!

– Напрасно вы меня удерживаете, не беспокойтесь за меня, я доберусь до дома сама, – спокойно, твердо ответила я.

Попрощалась с ней, вышла на улицу и отправилась пешком в обратный путь. Сначала держалась, а когда дошла до леса, дала волю слезам, реву и думаю возмущенно: «Разве так можно, пригласили в гости, а сами такую мерзкую цель преследовали?» Мне непонятно было, как можно так с людьми поступать.

Наверное, я всего километр прошла, слышу лошадиный топот вдалеке. Быстро вытерла слезы и постаралась не показать вида, что плакала. Слышу крик: «Но! Но!» Это Виктор лошадь понукал, чтобы быстрее бежала. Догнал.

Лошадь остановил рядом со мной и говорит:

– Садись в сани.

– Не сяду, уезжай обратно!

И пошла дальше. Километра два, наверное, он ехал рядом, а я молча шла пешком, не поворачиваясь к нему. Он остановился и говорит:

– Извини, Рая, ради бога меня, хочешь на колени встану? Ну, сорвался я, теперь что, на всю жизнь врагами будем? Садись, Рая, пожалуйста, в сани.

Ну, села я, привез он меня во Времянку к нашему дому. Спрашивает с улыбкой:

– Чай пить не пригласишь?

– Не приглашу, – строго ответила.

Потом, когда он приезжал торговать продуктами к нам во Времянку, я туда, где торговля шла, не ходила, а он обо мне многих спрашивал. Заходил к нам в столовую чай пить. Чаем я его, конечно, напоила, но разговоры вести не стала.

Сватовство

Наступила зима. Как-то поздно вечером слышим, во дворе раздался какой-то шум, топот на крыльце, громкий стук в дверь. Я пошла открывать. А там стоит Вадим, старший брат Виктора, и еще какой-то незнакомый мужчина.

Я спрашиваю:

– Что случилось? Почему так поздно?

– Не могли мы раньше,пусти нас, мы к отцу на переговоры приехали.

Заходят они на кухню, тот, что постарше, садится на табуретку, а Вадим стоит, осматривается вокруг. Отец поднялся, на кухню вышел.

Вадим вытаскивает бутылку водки, мне командует:

– Стаканы давай!

Я спрашиваю:

– Какой повод-то для выпивки?

А Вадим к отцу обращается:

– Андрей Андреевич, отдай нам свою дочь.

Отец отвечает, нахмурившись:

– Ребята, моя дочь не поросенок и не кот, чтобы ее отдавать. Вы с ней разговаривайте. Как она решит, так и будет, хотя я думаю, что рановато ей замуж выходить. Надо ей поучиться еще сначала. Сказал это отец и ушел спать.

Вадим мне говорит:

– Видишь, отец согласен. Сколько времени тебе на раздумья нужно?

– Я хочу учиться, не хочу я жить в вашей деревне. Да и в качестве кого ты меня к себе приглашаешь? – спрашиваю его.

– Я жениться на тебе хочу, ты мне очень понравилась, – говорит. – И маме нашей, и отцу тоже, да и Виктор к тебе неравнодушен. Ты голодать у

нас не будешь. Работать я тебя не заставляю, дома будешь маме по хозяйству помогать. У нас хозяйство большое. Деньги у меня есть, всего тебе накуплю, наряжу как куклу. Жить будешь как у Христа за пазухой!

Наобещал мне с три короба, видит, как мы небогато живем.

Я ему сразу наотрез отказала:

– Нет, не согласна я и думать даже не буду. Идите домой, мне выспаться надо, завтра на работу. Спасибо за посещение и спокойной ночи.

Как мне кажется, они совершенно не ожидали отказа, оставили свою бутылку с водкой непочатой, обескураженно извинились и уехали не солоно хлебавши.

Наутро вся Времянка знала, что ко мне приезжали сваты. Откуда узнали? Непонятно. Наверное, Почкаускас, мучаясь от старческой бессонницы, бродил по улице поздно вечером и увидел наших гостей. Все утро в диспетчерской обсуждали эту новость.

Разговоров было много. Только Казимир ни о чем меня не спрашивал. Спустя некоторое время он вскользя проронил:

– Тебя, я слышал, сватать приезжали? И что ты решила?

– Отказала я сватам, а они просили подумать очень серьезно еще раз.

Казимир

Казимиру знакомые из Литвы в письме сообщили, что умерла его мама.

– Единственный родной человек ушел, – печально сказал он мне.

У Казимира была своя непростая история. Родился он на хуторе в ста шестидесяти километрах от Вильнюса. Когда ему было пять лет, отец, упав зимой в реку, простудился и умер в горячке.

Казимир окончил гимназию. Семья была достаточно обеспеченной. В юности Казимир попал в какую-то переделку, ему прострелили ногу чуть выше колена, и в этом месте у него был установлен золотой имплантат. Врач, сделавший операцию, уверил Казимира, что имплантат будет стоять всю жизнь и не доставит никаких неприятностей. Так оно и вышло.

Когда в 1945 году стало окончательно ясно, что советская власть возвращается в Литву, масштаб бегства литовского населения был очень велик. Одним из бежавших, по-видимому, был и брат Казимира. Он перебрался в Швецию и остался

там жить. По рассказам Казимира, брат был значительно старше его, занимал высокий пост в литовской армии, был женат и имел ребенка.

В тот трагический день Казимир собирался в церковь. Мать уговаривала его не ходить, материнское сердце-вещун предчувствовало беду. Он все же туда отправился. Неожиданно у церкви появились советские солдаты с автоматами, его арестовали. Это было в 1947 году, Казимиру исполнилось всего семнадцать лет. Самое ужасное для него было то, что в тот день он разлучился с матерью навсегда.

На допросе у Казимира требовали сообщить адрес старшего брата. Казимир адреса не знал, и его отправили в тюрьму, причем с таким условием, что, как только он вспомнит адрес, его освободят. Когда он пробыл в заключении четыре года, мама написала ему письмо, в которое вложила конверт с адресом старшего сына. Видимо, получила весточку из Швеции, и адрес старшего брата Казимира стал известен органам. Тогда его выпустили из тюрьмы, но отправили в ссылку в Сибирь на вечное поселение.

Казимир сказал мне:

– Давай с тобой поженимся и попробуем вместе жить. Я ничего не стану тебе обещать, потому что не все от меня зависит. Одно я могу твердо сказать, что никогда тебя не обижу и буду дорожить тобой. Ну а уж если не получится, разойдемся, останемся друзьями. Я тебя не тороплю, подумай хорошенько.

Вот такое мне было сделано предложение руки и сердца. Никаких пустых обещаний. Ни про любовь до гроба, ни про горы золотые не было сказано ни слова.

Забегая вперед, могу сказать, что обещание свое он сдержал, никогда меня не обижал. А если был мной недоволен, переходил в разговорах со мной на «вы» и называл по имени-отчеству.

Дома я рассказала родителям о предложении Казимира. Мне было всего семнадцать лет, но отец сказал:

– Ты взрослая, решай сама, тебе жить. На мой взгляд, из «трех танкистов» этот самый подходящий, уравновешенный, порядочный.

У мамы было такое же мнение.

При следующей встрече Казимир спросил меня:

– Ну что, ты созрела?

Я ответила:

– Не знаю, созрела или нет, но, наверное, соглашусь.

– Если передумаешь, сообщи сразу же, – пре-

дупредил он. – Если же ты согласна, я буду готовиться к свадьбе. Давай приурочим свадьбу к тринадцатой зарплате, обычно ее выплачивают вовремя.

Надо заметить, что зарплату в леспромхозе платили нерегулярно, не полностью. Приближался Новый год, зарплату все еще не давали. Казимир сильно расстраивался и отправился на переговоры с моими родителями. Папа сказал:

– Не переживай. Разве свадьба самое важное в жизни? Мы тоже не справляли свадьбу. Главное, чтобы вы хорошо между собой жили.

Кстати, там и загса-то не было.

Наконец объявили, что 21 января будут выдавать тринадцатую зарплату. Мы заглянули в календарь и назначили свадьбу на ближайшее воскресенье января 1953 года. Стали думать, кого пригласить. А чего там думать? Во Времянке жило тогда человек пятьдесят-шестьдесят ссыльных. Мы с Казимиром обошли всех. Кого застали дома, пригласили, а кого не пригласили, сами пришли. Директор ОРСа разрешил в столовой свадьбу провести. Проблема была только в том, что мне надо было купить что-то нарядное из одежды.

Свадьба

У ОРСа в подчинении были база, три столовых и три магазина. Я поехала в Соленый, нашла директора ОРСа, он меня сразу вспомнил. Это он приезжал к нам в магазин ночью на контрольную ревизию, когда там недостача была. Рассказала ему о своей проблеме.

Он говорит:

– Я напишу записку, тебе дадут все, что ты выберешь.

– У меня денежные средства ограничены, – говорю.

– Мы своих работников не обижаем, выбирай все, что захочешь, а на базе пусть напишут записку, сколько ты заплатила и сколько должна. Бери все, что приглянется, – сказал он.

Мы пришли на базу. Выбор здесь, конечно, был богаче, чем в магазине во Времянке. Я выбрала светло-голубой креп-жоржет в очень нежный цветочек на платье, которое можно будет надеть не только на свадьбу. И туфельки на среднем каблучке, чтобы тоже потом можно было носить, хотя там было много обуви на высоких каблуках. Ничего лишнего не взяла.

Продавщица из магазина Рута, которую я когда-то замещала в магазине, сшила мне платье. А фату негде было взять, мне сделали красивую при-

ческу. Вот так я подготовилась к свадьбе. У Казимира была неплохая одежда, ему ничего не покупали. Рубашки у него были хорошие и галстук.

Казимир о свадьбе сообщил Томасу, и он приехал с огромной сумкой, полной шампанского. Тогда шампанское сложно было купить. Там, где мы жили, кроме спирта в зимнее время ничего не было.

Подарков на свадьбу гости принесли множество, мы их складывали и складывали в угол. Гармонист очень хорошо играл. Как только зазвучала музыка, Томас меня пригласил танцевать. Во время танца он тихо сказал:

– Рая, милая, прости меня ради бога. Конечно, Казимир лучший из нас троих. Но я тоже рассчитывал быть с тобой. Мне хотелось тебя порадовать, и я объездил все поселки в округе и скупил все шампанское.

Через пару часов мама с папой извинились и ушли, они неважно себя чувствовали. Свадьба еще продолжалась, все, кто жил во Времянке, пришли в столовую.

После свадьбы, когда гости разошлись, мы освободили часть стола и стали смотреть подарки. Среди них было очень много одинаковых. Семь кусков материала почти одинаковой расцветки, девять утюгов, пять или шесть эмалированных ведер, несколько тазов. Кто-то деньги дарил.

Особенно рассмешили утюги. Ну а что поделаешь? Что в магазине было, то и дарили. Единственным оригинальным подарком была красивая стеклянная ваза для цветов зеленого цвета, откуда она там взялась, кто ее подарил, я уже не помню.

После свадьбы перед уходом столовую привели в порядок, потому что на следующий день в шесть часов утра она уже начинала работу.

На следующий день на лесную делянку, где работал Казимир, приехал директор леспромхоза. Казимир был передовиком производства и ездил всегда с красным флажком на тракторе. Директор подошел к нему и говорит:

– В бараке молодоженов в Соленом тебе выделена комната. Так что завтра можешь переезжать.

Казимир после работы пришел радостный, рассказал мне об этом. А на следующий день мы поехали смотреть комнату в новом, недавно построенном бараке. Там уже жили несколько литовских семей и одна польская. У трех семей были дети.

В Соленом, правда, раньше надо было вста-

вать, потому что дорога на работу стала на шесть километров длиннее. Но у нас появилось свое собственное жилье – это было безграничным счастьем! Жилье, конечно, неблагоустроенное, но в комнате стояла печь, а еще там были настоящая кровать, стол и две табуретки.

Мы начали обустраиваться. Папа кое-что подремонтровал и утеплил окна. Окна были непривычно большие, с занавесками возникла проблема, но мама что-то придумала. Устроились хорошо. Казимир принес из леса чудесную кедровую ветку с шишками. Мы поставили ее в нашу зеленую вазу, получилось очень красиво. Этот букет стоял у нас почти год...

Как-то приехали мы с мужем в Богучаны, смотрю, огромная очередь стоит на улице перед магазином, а это значит, что дают что-то дефицитное. Я заняла очередь. Оказалось, в продажу поступила очень красивая ткань, темно-синий креп-жоржет.

Отстояла очередь, купила себе отрез на платье и подхожу к Казимиру, просто сияя от счастья. А он тем временем встретил своего старого друга Феликса. Они на пароходе «Товарищ» познакомились, когда из Литвы добирались до места ссылки в Соленый. Когда Феликса арестовали, он не смог с собой в дорогу ничего из еды взять и, скорее всего, умер бы за две недели пути от голода, такие случаи бывали нередко. Но ему повезло, на пароходе он познакомился с Казимиром, и тот делил с ним свой скудный хлеб поровну всю долгую дорогу, не съев ни крошки больше.

Муж спрашивает меня:

– Сколько у тебя денег осталось?

– Только на дорогу нам с тобой оставила, – отвечаю.

Казимир попросил:

– Продай ткань, которую купила. Надо Феликсу помочь добраться в Соленый, у него денег на билет на пароход нет.

Как сильно я огорчилась, не передать. Не часто мы обновки тогда покупали. Но мужу возражать не стала, пошла в конец очереди и продала отрез какой-то женщине. Скрывать от Казимира, что очень расстроена, не стала. Очень обиделась.

Через несколько дней Казимир пришел домой с пакетом в руках и сказал:

– Вот, посмотри, я купил тебе другой отрез. Этот, наверное, даже еще лучше будет.

И правда, в пакете оказался отрез чудесного черного шифона.

Торт из хлеба

В ссылку в Соленый прибыла замечательная литовская семья: пять дочерей и старенькая мама. В литовских семьях обычным делом считается заводить по пять-шесть детей. Девушки все уже взрослые, как на подбор пригожие, начали работать в лесу сучкорубами, мама дома сидела, она совершенно не знала русского языка.

Спустя недолгое время первой вышла замуж старшая дочь, за ней следующие три сестры с тремя братьями-литовцами поженились, а младшая Станислава пригласилась Феликсу.

Парни в лесу работали на лесоповале, девчонки сучки рубили. Сложился дружный литовский коллектив, на досуге стали часто собираться. Я единственная не понимала их языка. Пока трезвые, все из уважения ко мне, а больше, наверное, к Казимиру, старались по-русски разговаривать. А как немного выпьют, то уж только по-литовски. Казимир по-русски неплохо говорил, за четыре года, проведенных в тюрьме, многому научился.

Феликс женился на самой младшей из девчонок, Стасе, она его своей простотой и непосредственностью покорила. Им дали комнату в бараке молодоженов, мы стали соседями. Вскоре у них родился сын Кестутис.

В одноэтажном бараке посередине шел длинный коридор, а из него по обеим сторонам двери вели в комнаты. Шесть комнат с одной стороны и шесть с другой. Наши комнаты недалеко друг от друга располагались. Мы там очень дружно жили.

Братья-литовцы начали по очереди строить себе дома, сначала одному, потом другому, потом третьему. Постепенно во Времянке появилась целая улица из собственных домов. Йонас, старший из «трех танкистов», женился на женщине-литовке, которая была лет на десять старше его, и тоже построил дом. Все бесплатно друг другу помогали строиться. Мы с Казимиром тоже принимали участие в работе.

На строительстве одного из домов я первый раз в жизни попробовала торт из черного хлеба. Старушка, мама пяти дочерей, устроила нам праздник, приготовив чудесный торт. Тоненькие ломтики черного хлеба проложила массой из рыбы, перемешанной с какими-то травами, растительным маслом, натертым лучком. Тогда нам все казалось вкусным.

На десерт она сделала торт из белого хлеба. Он был пропитан и покрыт сладким соусом из повидла. Там же не было дрожжей, чтобы можно было испечь пирог, из фруктов в магазин завозили только яблочное повидло в больших жестяных банках.

Сталин умер!

Однажды, когда я собиралась мыть полы в диспетчерской, включила черную тарелку радио, висевшую на стене, чтобы под бодрые мелодии работа быстрее спорилась.

Вдруг слышу, на фоне печальной музыки передают срочное правительственное сообщение. Медленно и четко Юрий Левитан объявляет по радио, что умер Сталин. У меня мурашки по коже побежали от его голоса.

О смерти Сталина было объявлено 5 марта 1953 года.

Я заплакала, потому что дома никогда никакой критики руководства страны не слышала. Видимо, чтобы не травмировать мою детскую душу, о политике у нас дома говорить было не принято. Я пожалела Сталина как обычного человека.

Прибегаю домой вся в слезах и кричу отцу:

– Папа, Сталин умер!

А он недоверчиво спрашивает:

– Где ты это услышала?

– По радио передают.

Он бросился включать радио и стал внимательно слушать. Сообщение о смерти Сталина передавали много раз.

Потом отец встал посреди комнаты и, довольно потирая руки, произнес:

– Ну ладно, теперь можно и домой собираться.

Я, конечно, взаимосвязи между этими событиями сразу не уловила. Не понимала тогда еще, что общего может быть между ссылкой отца и именем Сталина.

Тут в комнату вбегает наш знакомый, инженер Петр Алексеевич, он был родом из Сибири, но тоже сослан на окраину Красноярского края. Сияя, спрашивает:

– Андрей Андреевич, слышал новость?

Они радостно обнялись.

– Господи, собираемся домой! Если пароходы ходить не будут, построим плот и все равно уплыдем! – сказал Петр Алексеевич.

Этот разговор навсегда сохранился в моей памяти. Как же сильно человек истосковался по родным людям и местам, что готов был предпринять такое опасное путешествие, уплыть отсюда на плоту по бурным и строптивым рекам!

Сталин многим представлялся вечным, бессмертным, как языческий бог, и вдруг умер. Это событие потрясло всех в поселке, поначалу никто не знал, что будет дальше, хорошо это или плохо. Но очень скоро все вокруг заговорили об отъезде из Сибири. А разговоров было очень много, в лю-

бом месте с чего бы разговор ни начинался, заканчивался всегда отъездом, кто куда поедет и когда. Мы тоже задумались, куда направимся, где будем жить дальше. Решили вернуться в Карелию. У родителей остались хорошие воспоминания о работе в паданской школе, там они создали семью, там родились дети.

Но уехать сразу было невозможно. Паспорта у всех ссыльных были отобраны. Это произошло только в следующем 1954 году, тогда в родные края хлынула целая волна людей, которым наконец разрешили вернуться домой.

Директор леспромхоза собрал народ в Доме культуры на общее прощальное собрание, поблагодарил всех за работу, наградил многих денежными премиями и обратился с такой речью:

– Если на большой земле у кого-то жизнь не сложится, можете дать телеграмму, и мы выделим вам подъемные, а по возвращении устроим здесь на работу. Мы будем рады, если вы вернетесь.

А мастер, единственный, кто матерился в лесу на лесозаготовках, на коленях умолял бригаду трактористов не уезжать, просил, чтобы они остались, потому что он, в сущности, оставался без работы. Этому мастера не любили, он часто незаслуженно оскорблял людей.

Один из мужчин сказал ему:

– Поднимись, не унижай ни себя, ни нас! – и поднял его за шиворот.

На проводах играл оркестр, состоялся небольшой концерт...

Спустя некоторое время почти все ссыльные покинули Сибирь. Говорят, некоторые даже с кладбища своих забрали и увезли, чтобы похоронить в родной земле...

Прощай, Сибирь!

Когда папа написал нам, что устроился работать учителем труда в детском доме в селе Деревянное в Карелии и нашел жилье, мама с Ирой отправились к нему. Это было в мае 1955 года. Мы с Казимиром остались жить в Соленом.

Наконец и Казимир получил разрешение на выезд. Чтобы уехать, ему надо было снять с прописки в Богучанах паспорт. А путь до Богучан неблизкий. Сначала надо переплыть Ангару на лодке, а там примерно километра два в самом узком месте. Потом еще около двадцати километров до Богучан пешком идти. Хорошо, если попутная машина попадет.

Пароход «Товарищ» ходил к нам два раза в неделю, но Казимир решил отправиться в путь на лодке, рассчитывая вечером этого же дня вернуться.

Неожиданно хлынул ливень, гроза перешла в ураган. Выл ветер. Воды Ангары вздымались огромными стенами из темной воды. Казимира не было уже два дня. Я отправилась в контору, чтобы узнать, нет ли от него вестей. Мне сообщили, что связи нет, ветром порвало телефонные провода.

Вечером заходит ко мне сосед-литовец и говорит:

– Не хочу тебя, Рая, расстраивать, но я видел, что Казимир сел на пароход не один. Он сел с какой-то молодой женщиной и ребенком. Казимир нес чемодан и сумку, а женщина ребенка. Они сели на пароход, обратно он не выходил. Разве тебе больше никто об этом не говорил? Ведь многие это видели. Боже мой, такая молодая у него жена, полгода всего прошло, как женился, и вдруг такое.

Дурные вести бегут быстро. Уже все соседи знали у нас в бараке о моей беде.

Соседкам объясняю:

– У Казимира и денег-то не было, всего семнадцать рублей он с собой взял. Зарплату еще не давали.

– Может, он деньги заранее, потихоньку от тебя собирал, – отвечают.

Не знаю, как описать чувства, заполнившие мою душу. Растерянность, обида, боль, сомнения, в общем, все смешалось. Сажу я вечером и плачу. Соседки звали к ним идти ночевать, но я не пошла.

Приняла твердое решение: уеду одна. Еще днем я все имущество распределила. Запаквала все, что решила взять с собой. Отдала соседям то, что взять было невозможно. Матрас и одеяла отдала, кровать стояла голая. Осталась в комнате одна табуретка, на которой я сидела и горько плакала.

Вдруг раздается стук в дверь. Открываю, а там наш доктор Альберт Августович стоит.

– Извини, что я так поздно, – говорит. – Мне рассказали твою историю, но я не верю, я знаю, как Казимир относился к тебе. Такого не может быть, но на всякий случай имей в виду, что завтра, когда придет пароход, я поеду с тобой. Если, конечно, Казимир не объявится. Я тебя не оставлю, а если захочешь, приеду к тебе позже, если ты дашь мне свой адрес. Ты мне всегда очень нравишься. Такая, как ты, одна не останется.

Вытер мои слезы, обнял, в щеку поцеловал. Я приняла решение, настроилась, успокоилась.

Утром с соседями попрощалась. Кто-то заплакал, кто-то обнял меня. У меня еще оставалась чужая корзинка, надо было до отъезда ее вернуть. Выхожу с этой корзинкой на крыльцо и глазам своим не верю: Казимир идет.

Я ему говорю:

– А ведь я собралась одна уезжать.

– Я все знаю, мне по пути рассказали, – отвечает.

На самом деле произошло вот что. Когда Казимир уже сел в лодку, увидел, что по бревнам от берега на пароход направляется женщина с вещами и ребенком. Она еле-еле тащила сумку, чемодан и ребенка, перепрыгивая с бревна на бревно, могла между бревен провалиться. Казимир не мог на это равнодушно смотреть. Попросил перевозчика подождать, вышел из лодки и помог ей добраться до парохода. Тем временем перевозчик, чтобы не терять времени, подплыл на лодке к пароходу, и Казимир спрыгнул с борта парохода прямо в лодку. А этого, наверное, никто и не видел.

Злые людские языки много горя могут принести.

Потом, когда мы с Казимиром сели на пароход, смотрю: Альберт Августович стоит на горе и печально машет мне на прощание.

В начале июня 1955 года мы с Казимиром уехали из Сибири навсегда.

Поселились в селе Деревянное в двухэтажном старинном карельском доме. Хозяйка дома Анна Родионовна жила в нем одна. Низ отдала отцу. Дом был сильно осевший. Окна первого этажа находились сантиметрах в сорока от поверхности земли. Ремонтировали дом много раз. Зато в нем было просторно.

Отец осторожно поинтересовался у Казимира, какие у него планы на будущее. Не настаивал, не уговаривал, просто сказал:

– Присмотрись, подумай хорошенько, если вы здесь останетесь, мы будем рады.

Казимир понял, что отец очень доброжелательно к нему относится, и ответил:

– У меня ведь в Литве никого нет, наверное здесь останемся.

Казимир сразу нашел работу, его взяли механизатором в Лесохимартель.

Мы приехали двадцать третьего июня, а двадцать четвертого с утра всей семьей пошли сажать картошку. Нам выделили небольшой участок земли для огорода от детского дома, где работал отец.

На семейном совете отец сказал:

– Теперь будем думать о строительстве нового жилья.

Отец тогда начал писать, он часто публиковался в финской газете «Тотуус» и журнале «Пуна-липпу», был селькором...

Красный Бор

Как-то вечером отец предложил: – Давай прогуляемся завтра на велосипедах в лес.

Я поняла, что это неспроста, он хочет мне что-то показать, но как будто не решается.

В воскресный день с утра отправились по дороге в сторону города. Проехали Орзегский поворот, отец остановил велосипед. Мы зашли в лес, оставив велосипеды на обочине в кустах. Отец шел впереди.

Вдруг остановился и говорит:

– Подойди сюда.

Я подошла и увидела, что из земли торчит очень добротный когда-то ботинок на толстой подошве. Неподалеку увидели еще один, но меньшего размера, тоже торчавший из земли. Несмотря на то что ботинки почти истлели, было понятно, что они иностранного производства, такую обувь у нас в стране не производили и не продавали.

Отец сказал:

– Рая, запомни это место. Возможно, здесь покоятся и братья твоей матери. Я скоро умру, а вам надо дальше жить. Думаю, что придет время, когда опубликуют списки расстрелянных здесь людей. А сейчас пойдём отсюда.

Прозорливое высказывание отца сбылось, и спустя годы списки репрессированных опубликовали в «Книгах памяти жертв политических репрессий». А место массовых расстрелов и за-

хоронений было обнаружено местными жителями в 1997 году. Исследования территории проводил историк и правозащитник Ю.А. Дмитриев. Прионежская районная прокуратура провела проверку и подтвердила факт осуществления в этих местах палачами НКВД массовых расстрелов. Эксгумированные останки были перезахоронены в братской могиле. Открытие мемориала состоялось в 1998 году. Впоследствии на захоронении установили гранитные стелы с надписями «Жертвам политических репрессий» и «Здесь покоится прах безвинно убиенных».

В наши дни комплекс включает несколько мемориальных площадок и белые деревянные кресты над могильными ямами. В 2006 году здесь был установлен памятник с надписями на плитах: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» – строка из Евангелия от Матфея и «1937–1938. Жертвам красного террора от детей и внуков».

□

Татьяна Константиновна ФАДЕЕВА

родилась в Петрозаводске,

окончила Карельский государственный

педагогический институт.

Член Союза журналистов России.

Работала на телевидении и радио, в газетах,

в Петрозаводском государственном университете.

В журнале «Север» публикуется впервые.

